

A black and white profile photograph of a young man with dark, wavy hair, looking to the right. He is wearing a dark jacket. The image is overlaid with large, stylized, textured orange letters and text.

ВИТАЛИЙ КАЛГИН

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ
СОВРЕМЕННОГО
МИФА
ВИКТОР

18+

НОВАЯ РЕАКЦИЯ

**Виталий Николаевич Калгин
Цой. Последний герой
современного мифа.
Новая редакция
Серия «Герои эпохи: биографии»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21600680

*В. Н. Калгин. Виктор Цой. Последний герой современного мифа. Новая редакция: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-138446-3*

Аннотация

Виктор Цой – одна из самых известных и ключевых фигур отечественной рок-музыки, фронтмен знаменитой ленинградской рок-группы «КИНО». С момента трагической гибели музыканта прошло более 30 лет, но его музыка и тексты по-прежнему не оставляют равнодушными людей совсем разных поколений.

Каким он был на самом деле? Как рождалась легенда? Можно ли отличить правду от фантазии? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней...

Автор книги попытался рассказать о невымышленном Викторе Цое, попробовал детально восстановить факты его биографии и творческой жизни. В книгу вошли откровенные

свидетельства родных, близких, друзей музыкантов – коллег Цоя, а также уникальные материалы – рассказы очевидцев, фотографии, письма, документы из личных архивов. Текст публикуется в новой редакции с дополнениями.

Содержание

От автора	6
Часть 1. Цой и его «КИНО»	16
1962–1981	16
Детство и юношество	16
«Радоваться надо!»	36
1982–1986	79
«Сорок пять»	79
Разрыв	112
От «Пряжки» до «Сорока шести»	148
«Начальник Камчатки»	164
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Виталий Калгин Виктор Цой. Последний герой современного мифа. Новая редакция

© Калгин В. Н., текст, 2021

© Цой В. Р., стихи, по лицензии ООО Национальное музыкальное издательство., 2021

© Оформление. ООО.Издательство АСТ., 2021

* * *

*В наших глазах крики – вперед!
В наших глазах – окрики «стой».
В наших глазах – рождение дня
И смерть огня.*

*В наших глазах – звездная ночь.
В наших глазах – потерянный рай.
В наших глазах – закрытая дверь.
Что тебе нужно – выбирай...*

Виктор Цой

От автора

Жизнь любой известной персоны обрастает определенным количеством мифов и легенд. И неудивительно, что сами звезды и их продюсеры сочиняют о себе небылицы – пересуды всегда поднимают популярность.

Но человек, которому посвящена эта книга, жил в то время, когда шоу-бизнес в его нынешнем медийном воплощении еще не родился и когда можно было стать знаменитым за счет своего основного занятия – творчества. К тому же этому человеку скандалы претили. Он никогда не выставлял напоказ свою личную жизнь и тщательно избегал критики в адрес своих знакомых и друзей.

Однако легенд и о нем со временем появилось немало. По разным причинам. Но уж точно не за счет эпатажного поведения, приписываемого всем рокерам, а скорее за счет подлинной харизмы и, как бы горько это ни звучало, из-за трагической гибели.

Вымыслы касаются практически всех аспектов – начиная с истоков музыкального стиля и истории песен и заканчивая фактами биографии и ролью того или иного человека в его жизни. Одни домыслы «возвеличивают», другие «принижают» и часто уживаются в голове одного и того же человека, решительно противореча друг другу и здравому смыслу. Одним он представляется лубочной легендой, ангелом и проро-

ком, героем-бунтарем, другим – своим в доску парнем, который, так же как все, курил, матерился, пел песни и любил жизнь во всех ее проявлениях... Интересно, что рождаются искусственные образы не только «в народе», но и в его непосредственном окружении – фантазируют и бывшие приятели, и коллеги, и случайные знакомые, и авторитетные музыкальные критики.

Итак, поговорим о лидере знаменитой ленинградской рок-группы «КИНО» Викторе Цое. Каким он был на самом деле и как шел процесс создания его образа в массовом сознании? Можно ли как-то отличить правду от фантазии? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней.

Виктор Цой. Лидер группы «КИНО». Поэт, музыкант. Он погиб «в солнечный день в ослепительных снах», завершив перед этим запись своего последнего альбома, в котором голос его, кажется, уже тогда звучал из совершенно иного мира. Смерть Цоя стала его вторым рождением. На следующий же день после его гибели родился миф, его легенда, и случилось это в далеком от нас, сегодняшних, августе 1990 года.

Сегодня, даже по прошествии тридцати одного года с момента его трагической смерти, для многих в нашей стране никогда не вравший и не лицедействовавший Цой значит гораздо больше, чем иные политические лидеры, артисты и писатели. Он всегда был самим собой. Ему нельзя не верить. Одинокая, справедливая, добрая и честная романтика Цоя

привлекала людей всегда – и тогда и сейчас. Сейчас, возможно, еще больше.

В конце 1997 года в журнале «Ровесник» журналист Алексей Поликовский написал такие слова:

«Миф о ”КИНО“ отпечатался на серой штукатурке домов, где с помощью баллончика с краской было выведено краткое, как лозунг: ”Виктор Цой жив!“ Это миф о рокере в черном, взлетевшем на небо в своем покореженном, всмятку разбитом автомобиле, миф о поэте, который, несмотря на смерть (или благодаря смерти), все равно остался здесь, с нами».

Сегодня поклонники со стажем знают о Викторе почти все – от детских приключений и шалостей Вити до последних звездных гастролей группы «КИНО» – и могут так или иначе отличить правду от лжи. Те же, кому сегодня пятнадцать, любят и уважают Виктора ничуть не меньше «стариков», но знают они гораздо меньше и, наверное, именно поэтому верят в придуманные истории о своем кумире. И это не их вина.

К сожалению, то «энергетическое» поле, которое оставил после себя Цой, породило шквал информации, целое море мнений, противоречащих друг другу. В них трудно ориентироваться, и из них порой невозможно составить цельный образ Цоя. Чем больше читаешь о нем, тем больше размываются его черты, тем сложнее его понять и почувствовать. И «биографические» книги часто не приносят пользы, так как

написаны по одному и тому же шаблону, с одной и той же общепринятой точки зрения.

Сайты и издания перепечатывают старую информацию (да еще и в урезанном виде) под новой обложкой и с другим заголовком, а журналисты занимаются украшательством фактов ради того, чтобы статья или передача были более «эффектны» для некоего среднестатистического «массового читателя».

Я решил написать новую книгу о Викторе Цое. Книгу, которая хоть в какой-то степени отличалась бы от всех ранее изданных.

Решиться было непросто. «Наивный поклонник, ни разу не видевший Цоя, что он может сказать? Зачем воспринимать его всерьез? У него нет никаких прав писать и рассуждать о Цое», – скажут читатели. Да, я поклонник группы «КИНО», не довелось мне увидеть Цоя живым и побывать на его концертах, но я владею информацией, причем информацией из первых рук, ведь я лично встретился со многими по-настоящему близкими Цою людьми. И писать об этом имею полное право.

Вот что с наилучшими пожеланиями написал мне Игорь Петрученко, один из тех людей, кто был знаком с Виктором и бывал еще на акустических квартирных концертах «КИНО»:

«Если Вы задумали писать книгу, то, пожалуйста, пишите ее, описывая предмет повествования с Вашей точки его восприятия. Если Вы находились внутри истекших времен

и Вам есть, что сказать по этому поводу, так и скажите. Если же Вы – не участник тех событий, так и пишите извне, ”со своей колокольни“. Так будет и честнее, и интереснее. Существует немало фильмов, авторских циклов и отдельных теле-радиопередач, мемуаров, публицистики, книг, журналов (”Рокси“, ”РИО“ и др.), интервью и т. д., где показана и описана та эпоха. Наконец, осталась огромная масса аудио- и видеоконцертных записей. Хотя, смотря что Вы задумали – сборник интервью или собственно книгу. Это совсем разные вещи. Воспоминания людей, видевших Цоя в жизни, – воспоминания о встречах в магазине, в коридоре, в ”Сайгоне“, на улице, еще где-то... Воспоминания и интервью людей, которые играли с Цоем на одной сцене, записывались вместе, жили с ним рядом, нельзя назвать ”избитыми“ и ”замысленными“. Это и была ”жизнь“ во многих проявлениях, прожитая совместно с Виктором Цоем его близкими и друзьями, фрагменты которой представлены во всевозможных вариантах. Они максимально отражают (каждый в отдельности) тот след, который Цой оставил в их собственной судьбе, так же как глина наиболее правдоподобно хранит отпечаток от Вашего ботинка... Надеюсь, у Вас все получится».

Поначалу планировалось развеять мифы и домыслы, которыми обросла тема «КИНО» и имя самого Виктора Цоя. Но потом я решил рассказать о Цое людям, далеким от «темы». Для того чтобы это сделать, пришлось ввести в текст биографические и исторические факты, касающиеся самого

Виктора Цоя, а также группы «КИНО», и опустить многое из общеизвестного.

Основная задача этой книги – показать молодым поклонникам «КИНО» то, каким снежным комом вокруг самой личности Цоя и абсолютно всего, что его касается, narosли предрассудки и фантазии. Даже то, что сейчас вроде бы известно всем и неопытному глазу кажется очевидным, в значительной мере искажено журналистскими комментариями и досужими домыслами.

Цой – это целая планета, и в рамках одной публикации невозможно отразить все грани его натуры. Разумеется, мнения людей субъективны и ограничиваются их собственным восприятием, но, опираясь на проверенные факты и комментарии по-настоящему близких Цою людей, и я старался дать максимально полную картину того, что было.

Самым главным и решающим фактором стало то, что мою работу достойно оценили музыканты группы «КИНО», родные и близкие люди Виктора Цоя.

Огромное спасибо музыкантам группы «КИНО» – Георгию Гурьянову (посмертно), Юрию Каспаряну, Игорю Тихомирову и его жене Марине, которым понравилась идея написания книги и которые согласились дать комментарии, что, несомненно, явилось самым ценным из всего изложенного. Спасибо Наталии Разлоговой за предоставленную информацию и фотоматериалы. Спасибо за помощь в создании этой книги Александру Цою, Рашиду Нугманову и сайту

Также большое спасибо маме Марьяны, Инне Николаевне Голубевой (тоже посмертно), за теплый прием и уникальные комментарии, спасибо Игорю Борисову и Андрею Крисанову (увы, тоже посмертно), в далеком 1988 году помогавшим группе «КИНО» на концертах. Они не только поделились своими воспоминаниями, но и предоставили фотографии из личных архивов. Спасибо Юрию Белишкину – администратору группы «КИНО», Олегу Толмачеву – гастрольному директору группы, а так же Виталию Фролову – эксперту, знатоку и коллекционеру – за предоставленные материалы и ценную информацию.

Спасибо за комментарии Алексею Рыбину, одному из создателей и экс-участнику группы «КИНО», спасибо Алексею Вишне, талантливому музыканту и звукорежиссеру, киносценаристке Ирине Легкодух, Дмитрию Левковскому, экс-администратору Рок-клуба и директору групп «Игры», «Народное ополчение», спасибо музыканту группы «АУ» Евгению Титову за понимание и подробные воспоминания. Особая благодарность Джоанне Стингрей, Жоэлю Бастенеру, Константину Кинчеву, Марку Шлямовичу, Евгению Долеву, Антону Галину, Дмитрию Бучину, Игорю и Людмиле Петровским, Ирине Сокол, Наталье Крусановой, Роману Альтеру, Сергею Жегло, Роману Смирнову, Дженни Янец, Ивану Бахурину, Анатолию Соколкову, Николаю Краснопевцеву, Федору Лаврову, Владу Шебашеву, Сергею Фир-

сову, Алине Туляковой-Алонсо, Галине Кононовой, Всеволоду Гаккелю, Андрею Хлобыстину, Александру Флоренскому, Михаилу Кувшинову, Людмиле Козловской, Владимиру Густову, Дмитрию Конрадту, Светлане Борисевич, Элле Аграновской, Игорю Петрученко за помощь, интересные рассказы, комментарии и материалы.

Отдельно хочется поблагодарить Алексея Гостева, главного редактора алма-атинского журнала «Алау», за предоставление интересного материала и фотографий, Александра Николаевича Житинского (царствие ему небесное) за написанные им книги и материалы, а также руководителя арт-студии "Doping-pong" Дмитрия Мишенина.

Благодарю за предоставленные материалы, воспоминания и чудесные стихи Сергея Алексеевича Конопиева, Дмитрия Громова, Марию Василенко, Андрея Андреева, Юлию Данилову, Наталию Максимец, Вячеслава Мещерякова, Наталью Колосову, Марину Струкову, Ольгу Лехтонен, Елену Гилеву, Алекса Штека, а также многих других людей, пожелавших остаться неизвестными...

Особая благодарность авторам, которые безвозмездно разрешили использовать свои фотоматериалы в книге. Хочется сказать огромное человеческое спасибо Виктору Лаврешкину, Анатолию Кругловенко, Елене Константиновой, Оксане Омельчак, Виктору Елизарову, Валерию Алахову, Владимиру Быстрову, Виктору Немтинову, Евгению Юфиту, Алексею Вишне, Олегу Зотову, Леониду Фельдма-

ну, Александру Бойко, Дмитрию Защеринскому, Йону Кальдану, Диане Русовой, Айно Болдиной, Наталье Ивановой, Олегу Скрягину, Метсуру Вольде и другим, чьи фотографии и материалы были использованы в оформлении этой книги. Благодарю всех тех, кто помогал в датировках и поиске верной информации, в частности – Алексея Марчену и Владимира Долгова.

Благодарю за понимание родных и близких мне людей, всех тех, кто был рядом, кто верил и надеялся, всем тем, кто искренне ждал выхода книги. Спасибо Вам, милые и дорогие мне люди...

Отдельно хочу поблагодарить людей, поддержавших меня в моем начинании, которые, несмотря на занятость, нашли возможность помочь мне подготовить книгу. Благодарю: Дмитрия Давыдкина (Москва), Александра Каминского (Николаев), Ларису Михно (Санкт-Петербург), Максима Ефремова (Тула), Анастасию Кривенда (Минск), Александра Давыдова (Омск), Марину Гребенькову (Курск), Наталью Лебедеву (Санкт-Петербург), Елену Невскую (Оренбург), Владимира Воробьева (Нижний Новгород), Василия Игнатьева (группа «Фильм»), Елену Коноплеву, Ксению Новоселову (Санкт-Петербург), Светлану Галямину (Курган), Алену Ащеркину (Санкт-Петербург), Евгения Кушнера (Киев), Наталью Леонову (Москва), Алексея Николаевского (Калуга), Ольгу Вундер (Токио).

Сразу хочу сказать, что не следует безоговорочно верить

всему тому, что говорят люди. В книге собраны мнения и воспоминания людей, на которые они имеют полное право. Но мнения при этом могут быть совершенно разными. И никто не сможет этого изменить.

Прошу прощения, если в процессе повествования мной были допущены резкости в суждениях или выражениях, но это неизбежно, ибо невозможно рассказать всей правды, не задев при этом ничьих чувств. В любом случае автор не обязан соглашаться или не соглашаться с мнениями людей, которые здесь приведены...

Часть 1. Цой и его «КИНО»

1962–1981

Детство и юношество

Родился Виктор Цой 21 июня 1962 года в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье учительницы физкультуры и инженера, в роддоме Московского района (м. «Парк Победы», улица Кузнецовская, д. 25), ныне в этом здании расположена кардиоклиника.

Брак родителей Виктора был смешанным: отец, Роберт Максимович, по происхождению этнический кореец из Казахстана, мать, Валентина Васильевна, – русская, коренная ленинградка.

Новорожденного Витю привезли в дом № 193 по Московскому проспекту, где тогда жили его родители, но детство он провел в «доме со шпилем» (ул. Бассейная, 41/190). Впоследствии Виктор сменит много квартир, почти все они будут находиться недалеко от этого места, в южной части города...

1 сентября 1969 года Витя Цой пошел в первый класс, в школу № 362, где преподавала его мать.

В 1976 году Виктор перешел в школу № 507 (ул. Фрунзе, 22), что было связано со сменой места работы Валентины Васильевны.

В начальных классах Витя учился неплохо, но явную склонность проявлял разве что к рисованию, и в 1974 году (с четвертого класса) родители отдали его в художественную школу № 1 «Казанский собор» (наб. канала Грибоедова, 26), возле Львиного мостика. Там Витя учился у Татьяны Ганжало – супруги Николая Николаевича Ганжало, одного из преподавателей художественного училища им. Серова. По рассказам очевидцев, «...вспоминает она его как маленького и чумазого, с размазанными под носом соплями... И ей удивительно, что впоследствии он стал звездой».

Уже со средней школы Виктор все больше проявлял себя как «гуманитарий»: его интересовали литература и искусство, а точные науки не вызывали отклика в его душе. В 7-м классе появились тройки, и окончание восьмилетки чуть не стало проблемой. К этому времени Виктор уже решил стать художником, и успеваемость по общеобразовательным предметам перестала его волновать.

Как говорил впоследствии сам Виктор:

«До четвертого класса я учился очень хорошо, даже был отличником. Потом стал учиться очень плохо, потому что повзрослел и почувствовал, что все это неинтересно. И в дальнейшей жизни, кроме литературы, ничего не пригодит-

ся».

В ту пору в Китае проводилась «культурная революция», организованная председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном, и по этому поводу ходили анекдоты, разнообразные реальные и выдуманные истории. Одноклассники Цоя конечно же с ходу записали Виктора в «китайцы» и, как только по телевизору передавали что-то о событиях в Китае, сразу же призывали его к ответу. Не всерьез, конечно, но, по воспоминаниям его мамы, Валентины Васильевны, мальчика это очень обижало.

В одном из своих интервью Виктор говорил:

«В детстве меня дразнили ”японцем“ и я очень обижался. Сейчас мне в голову не придет выяснять, кто по национальности мои друзья. Есть среди них русские, украинцы, евреи, армяне... Но это не мешает нам общаться. Я думаю, вести такой учет просто глупо. Люди не делятся на хороших немцев и плохих французов».

Первая гитара, подаренная Виктору родителями, появилась в пятом или шестом классе. Отец Виктора, Роберт Максимович, показав сыну аккорды, совершенно не мог представить, во что выльется это его новое увлечение. Виктор же, подойдя к делу очень серьезно, быстро освоил инструмент и уже в 8-м классе организовал в школе свою группу.

Роберт Максимович, отец Виктора Цоя:

«Помню, запретя в ванной, чтобы мы не слышали, и играет. У него тогда голос ”ломался“, вот он и стеснялся. Даже нас. И все у матери спрашивал: ”Почему же у меня голос такой высокий, как у девчонки?“»

Виктор Цой:

«Я не избег общей участи мальчишек моего возраста, охваченных желанием овладеть столь престижным в те годы инструментом...»

В мае 1976 года в Этнографическом музее Ленинграда прошла городская выставка «Мы любим Родину свою». На ней тринадцатилетний Виктор Цой представил станковую композицию «Все на БАМ», подготовленную еще в 1975 году под руководством Е. А. Ключковой. Его рисунок занял второе место в конкурсе.

Валентина Васильевна Цой, мама Виктора Цоя:

«Работа была, по-моему, ничего особенного. Но умел Витя точно уловить то, что витало в воздухе. Это у него позже и в музыке проявилось. Чувствовал он как-то по-своему пульс времени. Тогда все только и говорили о БАМе. Витя тоже был романтиком. Нарисовал поезд, едущий на БАМ, ребят с гитарами».

Дмитрий Белов, одноклассник Виктора Цоя:

«В начале седьмого класса, а это был 1976 год, наша классная руководительница, она же завуч школы и учитель географии, привела на какое-то занятие трех новеньких и сказала, что теперь эти мальчики будут учиться с нами. Там было два офицерских сына, я до сих пор с ними дружу, Саша Деменков и Саша Сухарев, и длинненький такой Витя Цой.

Из нашего класса все с ним дружили и общались, каждый знал его очень хорошо, но так получилось, что именно я на многих занятиях сидел с ним за одной партой. И воспоминания мои о нем, конечно, не как о музыканте, тем более великом музыканте в нынешней интерпретации, а как о художнике. Я видел, что новичок что-то рисует постоянно в тетрадке и у него хорошо получается. Я стал спрашивать: "А почему? А как?" И выясняется, что он учился в художественной школе. Поэтому он был и, наверное, остался для меня скорее как художник...

Наше послешкольное времяпровождение часто проходило на крыше красивого большого дома напротив парка Победы. Огромная плоская крыша была покрыта рубероидом и толем. Это было что-то типа клуба, тем более тогда не было ни маньяков, ни бомжей и выходы на крышу были открыты. Просто с двенадцатого этажа выход на технический этаж и там дальше на саму крышу. Шикарный вид на город, а если кто-то где-то доставал бинокль, это было вдвойне интересно. Там было здорово и летом, и зимой. Мы скидывались все

по какой-то мелочи и покупали пачку сигарет. Старались курить "Век". 35 копеек они стоили. Если не было спичек, мы рассаживались рядом втроем или вчетвером. Кто-то первый на улице прикуривал сигарету, докуривал ее, закуривал второй, от него третий, потом четвертый. А там уже и первый опять мог начать хотеть курить. И вот пачка вылетала за два часа, и мы вели какие-то интересные разговоры.

Другим довольно частым развлечением нашим было шляться по городу. Без цели, но не где-то во дворах, пугая прохожих, а по каким-то центральным улицам, отмахать весь Московский проспект и свернуть до Невского, а то и до Старо-Невского проспектов. Это было легко. А если встретится какой-то кинотеатр, то всегда было интересно и в охотку зайти в него. Седьмой класс вспоминать трудно, совсем детский период: снежки, каток... А вот когда мы начали взрослеть – это, наверное, 10-й класс (те, кто в него не попадал, шли в училище или ПТУ, как Цой), – мы начали пробовать жизнь. Стали интересны сигареты, стала интересна выпивка. Мы уже сравнительно повзрослели, и впереди нас ждала большая жизнь, и можно было говорить уже про армию, про профессию и о том, что не просто кому какая девчонка нравится, а кто с какой ходит...

Витя жил, все знают, на углу Московского проспекта и Бассейной улицы (д. 41). Это довольно замечательное здание, потому что на нем единственный в Питере шпиль – попытка Ленинграда в 40–50-х годах угнаться за Москвой.

Жил он на втором этаже, в невзрачной коммуналке, там и сейчас под окошками остановка 63-го и 13-го автобусов. У него дома я наблюдал его за рисованием и даже храню несколько его рисунков. Он рисовал мою подружку, а также подарил две красивые акварели-натюрморта плакатного формата с какими-то фирменными импортными бутылками.

Так получалось, что почти все сборища были все-таки в моей квартире. У меня их было две. Папа с мамой жили отдельно и всегда были в командировке. Или там, или там мы проводили время. Водку тогда пили редко, обычно вино или какой-нибудь портвейн. Причем пили из пиалок, которые привозил мой отец. Надо сказать, что Витя в этом плане был более продвинутый. Как-то я ему говорю: да давай вина-то, а он: нет, давай портвейн. Мы чокнулись, выпили... У меня перехватывает дыхание, я тянусь за огурцом или что там могло лежать на столе, за колбасой, он в это время, пользуясь своими длинными руками, перехватывает мою руку, сжимает ее со словами: "Нет, нет, нет. Вот терпи-терпи". Глаза у меня выпучены, но через полминуты дыхание восстанавливается, он меня отпускает и говорит: "Закуси, вот теперь закуси". И когда у меня уже совсем улыбка на лице, он заканчивает: "Вот теперь ты понял, как это хорошо". Нет, мы не были пьяницами, конечно нет. Это обычное пацанячье взросление...

В нем вообще тогда было больше фартовости, ловкости...

Он где-то достал ботинки по большому благу, модель тогда называлась "носороги", здоровые такие полуботинки, очень, я бы сказал, такие тупорылые. Так они были у него не просто фирменные, они были еще и многоцветные. Какие-то зеленые, красные проплешины, наверное и белые были, на черном фоне. Он натирал их бесцветным кремом и мечтал о цветных кремах. Кто-то ему сказал, что за границей продают отдельно красненький, зелененький, синенький крема именно вот для таких ботинок. Потом даже кто-то из старших ребят из Германии ему привез какой-то один цвет, красный по-моему. Витя выставлял эти ботинки носками к двери в прихожей. Причем на расстоянии шага, чтобы, не дай бог, на них не наступили. Я таких ботинок не видел, наверное, вот уже с тех лет. Тогда это было супермодно...»

Еще в художественной школе, в 1976 году, Виктор Цой сдружился с одноклассником Максимом Пашковым, и именно в это время образовалась группа, которая чуть позже получила название «Палата № 6». Более продвинутый Пашков, носивший настоящие джинсы, вельветовую жилетку и модную «битловскую» прическу, к тому моменту уже умел хорошо играть на гитаре, взял на себя роль вокалиста, а Цою, после приобретения вскладчину в комиссионке бас-гитары, досталась роль бас-гитариста. Барабанщиком же новоиспеченной группы стал Виталий Соколов, которому за неимением ударных пришлось довольствоваться пионерским ба-

рабаном и всевозможными железяками.

Максим Пашков, друг юности Виктора Цоя:

«В основном тексты (на английском) и музыку писал я. А Витя очень помогал с аранжировками. У него с детства был просто отличный вкус. Он выдавал интересные пассажи на гитаре. Но первое время очень стеснялся петь».

Алексей Пугачев, художник, приятель Виктора Цоя:

«С Витей мы знакомы с девятого класса. Я жил тогда на Петроградской, а учился рядом с Сенной площадью, в 1-й Петербургской гимназии, вместе с его друзьями. Была такая группа, "Палата № 6": мой друг и одноклассник Максим Пашков сочинял для нее музыку и тексты. Тогда еще Витя не писал ни музыки, ни текстов, но много рисовал. Специально ничего не показывал, но когда я приходил к нему домой, он тогда жил у парка Победы на Московском проспекте, то всюду – на стенах, на мольберте, даже на полу, лежали его рисунки. Не заметить их было просто невозможно. Кстати, из тех времен у меня сохранилась одна тетрадка, в которой сочинена и нарисована история вымышленного государства, где все персонажи – наши общие знакомые. Рисовал ее Максим Пашков по большей части. Возможно, есть в ней рисунки и Цоя. Но какие именно, теперь уже не разобрать. Но вот совершенно точно: на этой странице нарисован Виктор в надетом на голову двурогом шлеме. Другую картину мне Ви-

тя просто подарил, нравилась она мне очень. А еще одну, на которой дома и улицы изображены, я у него выменял...

Витя сам себе шил рубашки и джинсы. А я вот, например, шить не умел. Максим тоже. Мы что-то кроили из чего-то. У меня были две перчатки. Одна красная, другая черная. Тонкие такие, лайковые. Они женские были, но их растянули в мокром виде, обрезали кончики пальцев. Вите они жутко нравились, и он все их цыганил у меня. А я все думал, что бы такое равноценное получить взамен. У него как раз стояла в работе картина, и я махнул. Она даже недоделанная была, один фрагмент он просто сделал при мне. Вот эту середину, треугольник, он при мне забил. Но все же особенно мне дорога картина, подаренная Виктором. Я не случайно вспомнил о ней, оформляя обложку видеошколы игры на гитаре...»

Планы Цоя, желавшего получить художественное образование, поначалу сбывались: после восьмого класса, в 1977 году, он поступил в художественное училище им. Серова (ул. Пролетарской Диктатуры, 5), в просторечии – Серовку.

Георгий Гурьянов, музыкант группы «КИНО»:

«Серовка – жуткое такое советское режимное заведение. Я старше на год Виктора, поэтому мы не столкнулись там. Свинья говорил, что это ”рассадник пацифизма“, это абсолютная правда...»

«Палата № 6» просуществовала достаточно долго (около пяти лет) и стала для Виктора настоящей музыкальной лабораторией. Пашков, оставшийся доучиваться в художественной школе, приходил на репетиции в Серовку, и на местном комплекте аппаратуры музыканты разучивали пассажи из наиболее популярных композиций Deep Purple и Black Sabbath. Вскоре после того, как «Палата» стала репетировать в Серовке, Виталий Соколов прекратил музицирование, но в училище, по счастливой случайности, нашёлся новый барабанщик, Анатолий Смирнов, – разносторонне одаренный художник и музыкант, который уже тогда поглядывал в сторону профессиональной сцены.

На сайте художников и реставраторов <http://m666.ru> можно прочитать историю о том, как одного из тогдашних преподавателей, а ныне директора училища Сергея Алексеевича Кирпичева, студенты стали спрашивать о Цое, и тот совершенно серьезно рассказал, что студент Цой всех доставал проявлениями характера – игнорировал занятия, а когда изредка появлялся в аудитории, то вел себя максимально независимо, как в общении, так и в учебе, хотя, несомненно, обладал талантом.

По воспоминаниям другого преподавателя, «Цой писал хорошие натюрморты, а на втором курсе начал писать кривые рожи, вследствие чего вылетел из училища».

Существует много историй, связанных с этим периодом

учебы Цоя. Художественное училище размещалось в то время рядом со Смольным, там, где сейчас консульство Великобритании. На четвертом этаже здания был мужской туалет, в котором юные реставраторы и художники мыли кисточки. Раковины были покрыты таким слоем краски, что вытирать кисти о них было неприятно, и студенты использовали стены.

Со слов очевидцев известно, что был один священный участок стены с надписью: «Тут был Цой». Все учащиеся, от зеленых первокурсников до матерых дипломников, свято верили, что надпись оригинальная и оставлена рукой музыканта.

Раз в году, во время летних каникул, туалет ремонтировали: все «безобразия» на стенах просто покрывали коричневой масляной краской. И каждый год, первого сентября, в туалет приходили студенты с реставрационного отделения и восстанавливали надпись: чистили и слегка подкрашивали. Для выпускников Серовки этот туалет с подписью Виктора Цоя – маленький символ тогдашней, советской эпохи...

Есть еще одна училищная байка, связанная с Цоем. В ту пору преподавателем графики был Владимир Васильевич Фомичев. Он, энергичный и жесткий, но толковый, за какую-то дерзость якобы «дал Цою по шее». Один из сокурсников Виктора вспоминал: «Сам не видел, но, судя по возрасту участников сего происшествия, могу предположить, что было так: Фомичев, молодой, здоровый мужик, дал по шее пят-

надцатилетнему сопляку, от чего тот сложился как этюдник. При всем моем уважении к Цюю по-другому просто и быть не могло!» Кстати, Жанна Иванова, бывшая одноклассница Цюя, ничего подобного не помнит, что дает основания думать, что рассказанная история смахивает на обычную байку.

Тогда Цюя больше всего интересовала никак не живопись, а музыка и поэзия. Гитара, кстати, по словам Кирпичева, всегда была при Цюе, он даже в училище с ней ходил. Да и ношение длинных волос в конце 70-х воспринималось как несомненный вызов советскому обществу. Сергей Алексеевич рассказывал, что «директриса училища Хилькевич выгнала Цюя с формулировкой "за разгильдяйство" и никогда об этом не жалела». Об этом же вспоминал и бывший одноклассник Цюя Анатолий Смирнов.

Сегодня невозможно точно установить, почему же Виктор был в действительности отчислен из училища – «за разгильдяйство» или же из-за распространённых тогда гонений на рок-музыку, но факт остается фактом: в 1978 году Виктора отчисляют из училища (официально за неуспеваемость), и он устраивается штамповщиком на завод, параллельно продолжая учебу в вечерней школе.

Виктор Цюй:

«Меня выгнали, но во многом была и моя вина, потому что я не могу сказать, что отличался особой успеваемостью,

так как в то время я увлекся музыкой. Поскольку это для меня было уже совсем не интересно, то само собой закономерно, что если бы меня и не выгнали, я бы сам ушел».

Игорь Гудков, друг юности Виктора Цоя:

«Познакомились-то мы, когда, естественно, были молодыми. Просто жили в одном районе – Московском. Я туда переехал с Гражданки. Родители получили квартиру новую, и, конечно, у меня был дефицит общения после своей уличной истории на Гражданке, где остались все мои друзья. Через весь город ездить было невозможно, и я быстро нашел себе знакомых здесь. У нас была своя компания вокруг Андрея Панова по кличке Свин (Свинья) – первого панка Советского Союза, с которым мы организовали группу ”Автоматические удовлетворители“. Когда к нам пришел Цой, у нас уже была устоявшаяся компания, но он в ней прижился. Хочу сказать, что тогда общество было совершенно толерантно, хотя слова такого не было – ”толерантность“. Я Цоя всегда воспринимал как абсолютно русского, вообще никогда не воспринимал его как корейца. Это нас не волновало. Наше общество не делилось на евреев, русских. У нас была своя компания, Цою было у нас легко. Наверно, первый раз он почувствовал себя в своей тарелке именно в нашей среде. Была тусовка, мы не были музыкантами. А Цой тогда уже играл в группе ”Палата № 6“ на бас-гитаре, это был 1979 год».

28 июля 1980 года Цой поступил в СПТУ-61 (ул. Стойкости, д. 30, корп. 2) на специальность «резчик по дереву». По мнению преподавателей художественного училища, это была специальность (и вообще заведение), куда попадали одни разгильдяи.

Как бы там ни было, Цой был принят в училище, откуда той же осенью, в сентябре, поехал на сельхозработы в колхоз, где познакомился с гитаристом и певцом Сергеем Тимофеевым (экс-«Берега»), который тоже сочинял симпатичные битловые песни. Вернувшись в Питер, они собрали в стенах училища группу «Ракурс», с которой регулярно играли на дискотеках.

Сергей Тимофеев, друг юности Виктора Цоя:

«"Ракурс" – это самая первая группа Цоя, до этого он ни в каких группах не играл. Это реставрационное училище, которое заканчивал в том числе и Кирилл Миллер. Цоя в это время выгнали из училища Серова, он поступил сюда на резчика по дереву. Я учился на альфрейно-живописной росписи. Так как я с восьмого класса занимался музыкой, то и пытался собрать группу. В колхозе мы и собрались. Стало ясно, что Цой играет на гитаре, на бас-гитаре – Сафошкин, на барабанах – Толик Кондратюк плюс разные сессионные приходящие музыканты. Репетировали, выступали на конкурсах по ДК. Записей нет, так как тогда немислимо трудно было записаться. Пели мои и цоевские песни. В то время в колхо-

зе как раз он сочинил ”Алюминиевые огурцы“, ”Любит Вася диско, диско и сосиски“, ”Я бездельник“. Тогда Цой прикалывался к песням типа ”Люблю я макароны“ (перепевка итальянской песни по-русски), ”Черная суббота“ группы ”Мифы“ Геннадия Барихновского... Могу процитировать строчки припева, написанные им для моей песни, которые никто не слышал, – тут проявилась вся его гениальность:

Зачем же жизнь беречь, игра не стоит свеч,
Расстанься с ней без сожаления,
И все твои друзья забудут твою смерть,
Забудут твою смерть и день рождения...»

Нужно отметить, что если преподаватели художественного училища в буквальном смысле цедят воспоминания о Викторе сквозь зубы, то преподаватели СПТУ-61 до сих пор с нескрываемым восторгом вспоминают своего ученика, часто приходят к нему на могилу, рассказывают новым поколениям учащихся о таланте Виктора Цоя. В здании СПТУ (сейчас это лицей) сохранилась дипломная работа Виктора – резной дверной наличник с солнцем, там можно увидеть памятную табличку...

Яков Яковлев, однокурсник Виктора Цоя:

«Ездили мы в колхоз картошку убирать. Нас разбивали тогда на бригады-пятерки. Трактор уже взборонил поле и набросал для нас ящиков, чтобы было куда корнеплод склады-

вать. А Витя в это время спал неподалеку – не любил он такую работу. Я ему и говорю: ”Витек, пойдем картошку собирать, вон нас уже ищут“. Он поднял голову, пробурчал что-то и дальше спать завалился. И недаром. В зависимости от количества собранной картошки бригаде присваивали определенные места – чем ближе к первому месту окажешься, тем больше денег заработаешь. Но разница в сумме все равно смешная – те, кому присвоили первое место, получили 12 рублей на всех, а мы, занявшие предпоследнее, – 9. Цой – человек дальновидный, он наверняка догадывался об этом. И вместо того чтобы пахать как лошадь, предпочитал отсыпаться».

Антон Галин, приятель Виктора Цоя:

«Цой только-только начал на своей гитарке бренькать... Он как раз пошел учиться в какую-то путягу, если я не ошибаюсь... Да, из Серовки он отвалил и пошел... Резчиком по дереву. Все хвастался мне... Все время, помню, ходил с ножичком, что-то ковырял, объяснял, что-то резал нам... Что-то говорил там такое... Он тогда все время хохотал, удивлялся – вот, говорит, я там музыку играю, у него там какая-то другая группа была, о, так всем нравится, смешно».

Егор Белкин, музыкант:

«Сейчас у меня играет басист, который играл с Цоем еще до Рыбы. Они вместе учились в ПТУ, потом работали резчи-

ками по дереву в какой-то мастерской. Его зовут Миша Сафошкин. У него сохранились его портреты руки Цоя и фотографии, где они вповалку селедками спят. Цой всегда ночевал где-то вне дома. Жили они далеко, и ему неудобно было добираться...»

К началу 1980 года Смирнов начал пропускать репетиции и концерты, поскольку в поисках приработка постоянно где-то халтурил. В этих случаях его подменял Владимир Дорохин из группы с эксцентричным названием «Электрофрикционные колебания как фактор износа трамвайных рельс». Кстати, именно Дорохин сыграл в двух песнях альбома «Слонолуние», который «Палата № 6» записала дома у Пашкова, в Мучном переулке, используя два бытовых магнитофона.

В июне «Палата № 6» выступила на выпускном школьном вечере с чуть более известным «Пилигримом», в котором играли Дюша Михайлов, Алексей Рыбин, Олег Валинский и Борис Ободовский.

А что касается умения резать по дереву, то однажды Цоя, еще бывшего студентом СПТУ-61, показали в ленинградской программе «Монитор» как талантливоего резчика по дереву, и надо сказать, что это умение впоследствии очень пригодилось Виктору. Известна коллекция нэцке, выполненная им с большим изяществом и мастерством, а у Наталии Росовской, бывшей жены лидера группы «Зоопарк» Михаила

(Майка) Науменко, хранится пепельница, сделанная Цоем в виде стопы, каждый из пальцев которой представляет собой миниатюрный фаллос.

Наталья Россовская, жена Михаила Науменко:

«Пепельница – у меня. Раньше мы ей пользовались, пока наш приятель (художник из Гжели) не стал выставлять ее в ЦДХ. Мне стало стыдно, я ее отмыла и убрала. Для потомков (хи-хи). Пальцы как пальцы. Мне они ничего такого не напоминают...»

Всеволод Гаккель, музыкант группы «Аквариум»:

«У меня есть только пепельница в виде рта. Одна из многих поделок, которые Цой вырезывал из дерева и неизменно дарил своим друзьям».

Георгий Гурьянов:

«Из Серовки он перешел в другое училище, менее художественное, но более ремесленническое. Он же очень рано женился, ему надо было независимо существовать, деньги зарабатывать. Краснодеревщики – я очень ценю эту профессию: реставрация, дерево, – очень классная вещь».

Андрей Тропилло, звукорежиссер:

«Я любовался Цоем, когда он лепил из пластилина... Действительно, лучше всего у него получалось, конечно, руко-

делие. Виктор хорошо лепил, рисовал и резал по дереву. Вся его квартира была завалена разноцветными листами, скульптурками и поделками. Витя сделал на день рождения Майку Науменко чудесную резную деревянную пепельницу в виде большой ступни, на которой вместо пальчиков маленькие залупленные х...и. Я умолял Майка:

– Подари!

– Нет, не могу, мне Цой подарил. Да зачем тебе-то, ты же не куришь?

А у меня и не возникло бы желания использовать такой артефакт по прямому назначению. Гениальная совершенно была красота...»

Павел Крусанов, музыкант группы «Абзац», приятель Виктора Цоя:

«В училище, овладевая профессией краснодеревщика, Цой получил навыки резьбы по дереву и время от времени одаривал приятелей своими поделками: кому-то досталась пепельница в форме сложенной в горсть ладони, так что тушение окурка в ней выглядело дурно, точно пытка, кому-то – нунчаки с вырезанным на концах палок Ильичом, кому-то – деревянный фаллос, который следовало вместо ручки подвешивать в туалете к цепочке сливного бачка (помните, были такие сливные бачки с цепочками?). Одно время Цой носил дубль этого резного, довольно натурально сработанного красавца в кармане и при встрече со знакомыми и малозна-

комыми девушками быстро им его протягивал, дескать, это вам. Девушки машинально брали штуковину в руку, но через миг, сообразив, вскрикивали – ай! – и, залившись краской, испуганно, точно в руке у них оказалось парное конское яблоко, бросали деревянную игрушку под ноги. На публике они всегда такие пуританки... Впрочем, сказать, что таков был характерный стиль цоевской шутки, все же нельзя. Такова была одна из граней его стиля».

«Радоваться надо!»

В конце 70-х годов с подачи одного из приятелей Максима Пашкова Виктор Цой знакомится с Андреем Пановым – Свиньей. В то время Панов (уже тогда весьма известная личность в узких кругах) и вся его компания, в которую входило довольно много известных ныне в музыкальной тусовке людей, находились под творческим влиянием Евгения Юфита – «Юфы», будущего кинорежиссера, идеолога советского некрореализма, с которым Свинья познакомился еще в бытность учеником вечерней школы.

Евгений Юфит, кинорежиссер:

«Я познакомился со Свиньей совершенно случайно, на улице, кто-то из моих приятелей его окликнул».

Андрей Панов, лидер группы «Автоматические удовле-

творители»:

«Когда мы начали идиотничать, еще не было никаких панков. Один раз позвонил Юфа вечером. Говорит: ”Ты знаешь, на Западе появилась группа каких-то кретинов типа нас. Называется Sex Pistols. Сейчас передали одну вещь по ”Голосу Америки“». Юфа всегда слушает ”голоса“. Ну, я говорю: ”Как музыка?“ – ”Типа Slade, – говорит, – только хуже раз в пять“. Я говорю: ”Ладно. Чего там внимание обращать?“ И повесил трубку».

Так что можно смело принять на веру версию о том, что панк в Советский Союз не пришел с Запада, а появился там самостоятельно. Очень хорошее определение дал Алексей Рыбин, написавший в своей книге ”«Кино» с самого начала”, что «зачатие произошло в Англии, а само дитя появилось в мрачных коридорах советской школы...»

Как известно, Юфа собственно рок-музыкой почти не интересовался, его больше увлекали совершенно другие вещи. По словам знакомых с ним людей, он уже тогда проявлял себя талантливым манипулятором, «режиссером», и легко мог убедить человека совершить какой-нибудь «добродетельный» поступок (тем более если это было связано с извлечением денег из кармана манипулируемого).

Евгений Титов, музыкант группы «Автоматические удо-

влетворители»:

«Юфа умел добиться того, что довольно большие группы людей (совершенно бескорыстно) совершали самые идиотские и бессмысленные действия, иногда наносящие ущерб их здоровью и психике, и при этом эти люди (а также и зрители) были уверены, что то, что они делают, имеет большую культурную и эстетическую ценность.

Вот это и было настоящим искусством (!) – то, что Юфа добивался от людей нужных ему действий и мог управлять этими процессами. А если бы все это не воплощалось в реальность, в действие, а оставалось только в его воображении, это не было бы предметом искусства. Мало ли что просто бродит в голове? Тем более что речь идет об игровом кино, живописи и постановочной фотографии. Свинья очень ценил Юфу, в чем-то они дополняли друг друга. И очень многое в ранних песнях ”АУ“ отсылает к эстетике некрореализма Юфита. И эту эстетику потом переняли очень многие наши и панк-, и рок-, а теперь уже и поп-группы и другие сочинители-исполнители».

Еще до появления в стране пластинки легендарных английских панков Юфа со Свиньей (еще про панков не знавшие, но уже игнорировавшие нормы поведения советских граждан) совместно с другими ребятами решили сходить в кино. Им было по 15–16 лет, денег на билеты не было, и администрация кинотеатра предложила им расчистить снег

за проход на сеанс. В процессе чистки снега Юфа с Андреем скинули куртки (было жарко!), затем свитера, и так вскоре разделись совсем догола, к великому ужасу обывателей. Немногим позже даже пришлось убежать от разъяренных столь неожиданным стриптизом любителей кино, пришедших на сеанс...

Как вспоминал сам **Панов**:

«Тогда мы все находились под влиянием Юфы. Никакие панки здесь вообще ни при чем – никакие Роттоны, никакие Pistols. Все это Юфины телеги. Юфа был и остался главным идеологом, а я типа игрушки для битья. Он такой законспирированный, как Ленин. Всегда появится в последний момент... Вообще это очень заразительный человек. Он может своим психозом заразить кого угодно. Все эти некрореализмы и прочее... А потом стали появляться разные плакаты, показали их по телевизору, и мы сразу завелись. Идиотничаем. То в трусах зимой по улице, то обвешиваемся разными паяльниками-фигальниками, надеваем одежду не по размеру... А как-то показали, что они еще и булавками обвешиваются. Нам понравилось. Мы типа тоже меломаны, давай булавки... Я помню, для полного идиотства кто-то надел галифе, а у меня были такие здоровые клеши – финские, вельветовые. Я взял их и ушил внизу очень красиво. Ходил по улицам, и все смеялись. А через три года смотрю – все в таких ходят, стало модно. На улицах нас сначала никто не тро-

гал. По той причине, что про панков не знали. Ну, идиоты и идиоты. Идиотами и были. И остались, собственно. А когда начались панки-фиганки, тогда начались дурацкие гонения. А за что? И так – кретины, и так – кретины».

Ребята радовались жизни на всю катушку. Ходить по улицам советского города в галифе, обвешанных паяльниками-фигальниками, в то время рискнул бы далеко не каждый... От себя, как автор, добавлю, что в свое время (правда, гораздо позже описываемых событий) тоже ходил по улицам с мертвым мышонком (разумеется, настоящим), приколотым большой английской булавкой к лацкану рубашки...

Поскольку Андрей Панов жил с матерью, Лией Петровной (известной балериной), в девятиэтажке на углу улицы Типанова и проспекта Космонавтов, в большой квартире, где у него была отдельная комната, то компания собиралась, как правило, у него. По многочисленным воспоминаниям, Свиныя жил в комнате, где не было ничего, кроме плаката Sex Pistols на стене, дерюжки на полу и колонки от магнитофона с уходящим в стену проводом. Сам магнитофон стоял в комнате у матери, чтобы не попасть ненароком под «горячую руку» Андрея либо его приятелей...

Алексей Рыбин, один из основателей группы «КИНО»: «Квартира Свина была нашим клубом, репетиционным помещением, студией звукозаписи, фонотекой – в общем,

базой. Здесь мы отдыхали, обменивались новостями, пили, играли, пели, даже танцевали (по-нашему, по-битнически). У Свина была кое-какая аппаратура, как бытовая, так и полупрофессиональная, и было на чем послушать пластинки и во что воткнуть гитары. Словом, это был наш Рок-клуб».

Однажды именно сюда один из знакомых Максима Пашкова привел, собственно, самого Максима и Виктора Цоя.

Андрей Панов:

«У меня был сосед, живший этажом выше. Сейчас уже переехал. С детства в одном доме жили. Однажды он сказал, что у него одноклассник или друг учится в Серовке. И у них группа хорошая, три человека – ”Палата № 6“. Тоже как бы въехали в панк-рок и все такое... Все очень здорово, типа, дурака валяют. Я, говорит, к тебе их приведу... Короче, они пришли – Максим Пашков, Цой и барабанщик. Не помню, как его звали. Хороший барабанщик, кстати. Оригинал. Жаль, что не пошел по этой стезе впоследствии. Ну, Максим очень активный человек, больше всех разговаривал. Потом поступил в театральный. А Цой придет и сидит в углу...»

Уже тогда Цой резко отличался от компании первых питерских панков.

Игорь Гудков, знакомый Виктора Цоя по ленинградской тусовке, вспоминал:

«Цой не был пэтэушником, тем, о ком пел Майк в своей песне ”Гопники“ ...»

Павел Крусанов:

«Цой – наполовину кореец – невольно нарушал стереотип. В повседневной жизни он был неразговорчив – не молчун, но изъяснялся всегда кратко, а иногда и веско, однако же, по большей части, без задней мысли и рассчитанных многоходовок. Даже шутил так: по-спартански, лапидарно, словно вырубал на камне слова и старался, чтобы их оказалось поменьше. Вершиной остроумия для такого человека, видимо, должна была бы стать шутка без слов: шутка-жест, шутка-акция. Свидетельствую: случались у Цоя и такие».

Алексей Рыбин:

«Свин познакомился с ребятами из группы ”Палата № 6“, и они стали активно принимать участие в общем веселье. Песни были замечательно мелодичны, что сильно выделяло их из общего, довольно серого в музыкальном отношении питерского рока. Лидер группы Макс (Максим Пашков) пел профессиональным тенором и здорово играл на гитаре, а ансамбль отличался просто замечательной сыгранностью и аранжировками. А что такое аранжировка, молодые битники тогда вообще понятия не имели, и все это было чрезвычайно интересно и ново. ”Палата“ играла довольно специальную музыку – панк не панк, хард не хард, что-то битловское, что-

то от Black Sabbath – в общем, интриговала».

В общем, Максим и сам Виктор быстро влились в тусовку и вскоре стали принимать довольно активное участие в панковских мероприятиях «свинской» компании и всевозможных панк-акциях, о чем свидетельствуют очевидцы и чудом сохранившиеся фотографии.

По воспоминаниям участников компании Свиньи, тусовку очень веселили всевозможные загородные прогулки, распитие портвейна и различные хулиганско-панковские импровизации, эпатажные провокации, рассчитанные на обывателей, например демонстрация голого тела рыбакам и отдыхающим.

Федор Лавров, музыкант группы «Народное ополчение»:

«Они все бухали вместе. Просто я тогда еще в школе учился и не видел Цоя. Когда я познакомился со Свиньей, там уже сменилась тусовка».

Павел Крусанов:

«Каждая наша встреча сопровождалась радостным распитием портвейнов, сухих вин, горьких настоек и в редком случае водки, что было сродни разведке боем на незнакомой территории – мы тщились узнать, какие ландшафты скрыты там, за гранью трезвого сознания, и что за звери их населя-

ЮТ».

Не стоит сильно удивляться таким воспоминаниям. Молодежь (особенно предпочитающая рок-музыку) во все времена стремилась к «расширению сознания» различными способами и средствами. Этого не отнять и у нынешних 15–20-летних молодых людей. Просто реакция человеческого организма может быть разной: юношеское увлечение или зависимость до конца жизни... А всевозможные приключения и происшествия, думаю, составляли не меньшую часть жизни многих читателей этой книги.

Антон Галин:

«Сейчас, по воспоминаниям, может сложиться такое впечатление, что все эти люди – особые. Но ничего особенного, у нас была обычная жизнь. Советская и постсоветская. Ну ходили и хохотали. Никакой политики, кстати. Все были абсолютно аполитичны. Абсолютно никакой антисоветчины. Ну так, иронично относились к Брежневу, но ни об одном из своих знакомых я не могу сказать, что это был такой яркий антисоветчик типа Солженицына. Все просто как-то оттягивались, реально оттопыривали свою жизнь, как хотели. Тогда просто не было ничего. Просто пытались весело проводить время. Никаких развлечений, никаких дискотек, ничего нет. Развлечений никаких. Если сам себе не придумаешь, то никаких и не будет...»

Евгений Юфит:

«Как-то мы с Цоем шли на место сбора компании. Пока шли, Цой нашелдохлую утку и стал тащить ее за лапу, хотел порадовать Свинью. Она была еще не тухлая, но так... запашок уже шел. Когда проходили мимо трамвайного кольца со зданием для диспетчеров, выскочили пять водителей, они сказали нам: "Все, ребята, идите к нам, вы убили утку, сейчас мы милицию вызовем". Мы с Цоем с радостью пошли, естественно... Эти начали звонить в милицию, но та отказалась ехать из-задохлой утки... К тому же в здании, куда нас привели, из-за запаха стало ясно, что утка абсолютно несвежая... И когда нас спросили: "А где вы ее взяли?" – мы ответили, что "убили ее дней пять назад и вот все ходим с ней, не знаем, куда ее..."»

Алексей Рыбин:

«Мы подходили к пивным ларькам, покупали пиво и выливали его друг другу на головы, чем повергали в кому очередь мужиков, дрожащих от похмелья, которые стояли сорок минут за кружкой пива, – и вот какие-то уроды, отстояв эту очередь сорок минут, с шутками и прибаутками покупают себе по кружке пива и друг на друга его выливают... Люди просто цепенели. Никто нас не бил за это, потому что они не могли даже пошевелиться, они были парализованы этим зрелищем. Никто не кричал, очередь просто замирала... В

милицию же нас не забирали, потому что менты не понимали, что это такое».

Очень часто можно услышать рассказы Рок-клубовских «стариков» о том, как Свинья и Цой покупали шарики в киоске, наполняли их использованными презервативами и окурками, привязывали на нитку и спускали из окна на подоконники к соседям... К примеру, Антон Галин, друг детства Виктора Цоя, рассказывал, как они с Цоем ловили голубей, креативно раскрашивали их красками под попугаев и выпускали обратно на улицу. Доказать правоту или ложность подобных историй сегодня уже попросту невозможно. Да и не нужно, наверное.

Павел Крусанов:

«Ребят этих отличал здоровый цинизм и бестрепетное отношение к жизни, что немудрено – в девятнадцать лет думаешь, что друзья вечны, а счастье может длиться пусть не годами, но все равно долго. Когда Пине (Пиночету) милиционеры в ЛДМе отбили селезенку, Цой на мотив известного по той поре шлягера (“У меня сестренки нет, у меня братишки нет...”) сочинил собственную версию этой песенки, которую в присутствии пострадавшего всякий раз негромко озвучивал:

У меня печенки нет,

Селезенки тоже нет,
А без них хлопот невпроворо-о-от...

Характерно то, что это вовсе не казалось нам бестактным: все смеялись, даже бедный Пиня...»

Позднее **Максим Пашков** вспоминал:

«Надо отдать должное Виктору Цою. Он хотя и участвует в этих мероприятиях (спали и мылись все вповалку, голыми), но на фоне других сохраняет человеческое лицо, чувство юмора и не опускается до пошлости. Цой был гораздо консервативнее всей остальной компании и в наших "забавах" никогда не шел до конца. Наверно, это шло от какой-то его внутренней застенчивости... В нем никогда не было разнузданности».

Осенью 1980 года «Палата № 6» распалась, потому что лидер группы и автор песен Максим Пашков утратил интерес к занятиям музыкой, поступил в театральный институт на курс В. В. Петрова и ушел с головой в театральную жизнь. В начале 1981 года группа выступила на сейшене в общежитии СПбГТИ на улице Здоровцева в компании с «Пеплом», где к ним присоединился флейтист Борис Ободовский из только что распавшегося «Пилигрима», но той же весной «Палата № 6» окончательно ушла в прошлое.

Евгений Титов:

«Когда Свинья поступил в театральный институт в 1979 году, отец ему передал каким-то образом в подарок некоторую сумму денег, и эти деньги все были потрачены на музыкальную аппаратуру. Также что-то добавила Лия Петровна. Весь аппарат стоял дома, включая барабанную установку. И начались почти ежедневные домашние репетиции и веселье. Угрозы соседей, приходы участкового, милицейских нарядов – мама отбивала все наезды. И в конце концов договорились, что до 19.00 можно греметь и ”репетировать“ как угодно, но не позже. Это всех устраивало. Тогда же он познакомился с Цоем и Алконом (Максим Пашков), и у Свиньи репетировала ”Палата № 6“ – группа, в которой Цой играл на бас-гитаре. У Цоя тогда еще не было собственных песен. Его тогда выгнали из реставрационного училища, а Свинья бросил театральный и нигде не работал. Они почти каждый день проводили вместе на Космонавтов, у Свиньи дома или где-то еще. Так было года два, пока Цой не переметнулся в компанию Гребенщикова».

Вот что рассказывал сам Андрей Панов:

«А я как раз в это время свалил из театрального, ни черта не делал. Сидел дома, играл на гитаре, группу подыскивал. Сам до этого полгода как за гитару взялся. Аппаратуру купил, меломанство забросил... Поступал в институт, и тут на мои плечи падают полторы тысячи деревянными – от папы.

Мой папа свалил из страны законным путем в семьдесят третьем. И по их правилам, если ребенок учится, бухгалтерия оплачивает обучение. Финансирует его образование, значит. Конечно, я сразу купил всякого: барабаны там, три-четыре гитары... Все на это ухнул, короче. Взаялся сразу за гитару и настолько заразился, что поехал и поехал. Каждый день с утра до ночи».

Как вспоминал Илья Смирнов, двух месяцев обучения на курсе Игоря Горбачева Андрею хватило, чтобы решить окончательно: «Играть надо в жизни, а не на сцене». Как видно из воспоминаний Свины, он, получивший от жившего за рубежом отца приличную сумму денег, покупает неплохой набор аппаратуры, музыкальных инструментов и создает первую в стране панк-группу, куда чуть позже приглашает Цоя играть на бас-гитаре. Цой, обладавший некоторым музыкальным опытом, согласился помогать на репетициях и концертах и первое время добросовестно выполнял функцию бас-гитариста, что очень нравилось Андрею, поскольку из тогдашнего окружения Свины играть толком никто не умел.

Андрей Панов:

«Конечно, я у Цоя много спрашивал – типа аккорды не аккорды... Как это сделать, как взять... У Максима с Витей группа была в техническом плане очень сильная. У нас сей-

час таких нет. Ни в Рок-клубе, нигде. Потому что люди занимались музыкой, а не то что там – в рок играли».

Многие друзья Свины, да и сам Андрей, частенько подтрунивали над Цоем, призывая его к сочинению собственных песен, но Цой как-то умело уходил от темы. Видимо, сказывались комплексы, которые появились из-за влияния Максима Пашкова, считавшего себя бесспорным лидером в «Палате № 6». Но вскоре, после дружных уговоров друзей, Цой все-таки пробует что-то сочинить сам, и у него получается.

Вот что рассказывает об этом **Андрей Панов**:

«Цой был басистом, ничего не писал тогда. Поскольку Максим относился к нему несколько иронически, что ли, Цой был всегда очень зажатый. Комплексанутый, даже так скажу. Когда же мы остались с ним, два бездельника, я чуть ли не каждый день стал приезжать к нему по утрам. У него любимое занятие было снимать с пленки. Или читать. С ушами все в порядке, снимает, как рентген. Jennifer Rush снял, что удивительно! Там маразматические аккорды, очень сложно... Очевидно, что человек, который жутко много читал и жутко много снимал, должен был и сам начать писать, но у него был комплекс... И вот однажды, когда мы толпой писались у меня, мы на него надели: что тебе, мол, стоит стихи написать, музыку сочинить... Цой все кривлялся, а мы

выпили и наседали, наседали... Он вышел в коридор и с науги чего-то написал, помню, даже была там фраза о металлоконструкциях. Наша была накачка, панковская. Типа – все панки, все против... Мы посмотрели – действительно неплохо написал. В первый раз. А потом прорвало. Очевидно, если человек с малого возраста читает, аранжирует, должно было прорваться».

Олег Котельников, художник, друг Виктора Цоя:

«Андрей Панов, между прочим, именно он повлиял на Цоя в свое время, чтобы тот занялся написанием песен. Вместе играли – Виктор играл на басу и все время молчал. Неожиданно выдал какое-то двестишье, на что Свинья ему резко сказал:

– Ты должен песни писать, стихи. Мы все пишем, а ты сидишь и молчишь все время. Не стесняйся, у тебя получается лучше, чем у нас. Одни эти твои две строчки обо всем говорят – пиши, Витька, пиши!

Свинья, как все знают, был начитанный, образованный, папа у него был известный и крутой балетмейстер, авторитет у него был. И Виктор стал писать, а спустя полгода-год записал первый альбом».

Как было на самом деле, неизвестно, но прорыв действительно произошёл, и с одобрения друзей Цой начал сочинять что-то свое. Самой заветной мечтой его была покупка нор-

мальной гитары. И вот когда однажды родители уехали на юг, оставив сыну девяносто рублей (из расчета три рубля в день), Виктор немедленно потратил все деньги на приобретение двенадцатиструнной гитары.

Андрей Панов:

«Был такой хороший случай. Родители уехали на юг, оставили Цою девяносто рублей из расчета трех в день. А у Цоя была мечта, как и у всех, – двенадцатиструнная гитара. Он побежал и тут же ее купил. 87 рублей она стоила. А на сдачу, поскольку голодный, у парка Победы купил беляшей по шестнадцать копеек. И, значит, натошак их навернул. Он очень долго потом это вспоминал. Говорил, лежал зеленый, один в квартире, блевал, умирал. До туалета было не дойти. Лежал несколько дней. С тех пор беляшей не ел».

Месяц Цой жил впроголодь, но зато теперь у него была гитара, о которой он так долго мечтал. И вот вскоре счастливый обладатель двенадцатиструнной гитары, оправившись от последствий отравления, явил на свет песни «Вася любит диско» и «Идиот».

Андрей Панов:

«Мне нравилось, я ему подыгрывал. Потом Цой просто стал репетировать с моим ВИА...»

Антон Галин:

«Все играли как-то сессионно в ”АУ“. Были такие сессионные музыканты, играли сессиями. Все приходили к Свиные. Это был лишний повод выпить, и все говорили – сегодня будем играть что-нибудь. Все просто нажирались винища и что-нибудь там потом играли».

Борис Стожаров, знакомый Виктора Цоя:

«Цоя я помню. Когда он приходил, сидел в углу, что-то мычал-бренчал, что-то играл...»

Панов часто хвалил Цоя за то, что он мастерски снимал аккорды всевозможных западных групп и умело пародировал многих советских исполнителей, в частности Боярского, чьи стиль и манера в какой-то мере повлияли на молодого Цоя.

Андрей Панов:

«Он неплохо пародировал советских исполнителей – жесты, манеры... Особенно он любил Боярского. И Брюса Ли, но это уже потом. А с Боярским было заметно очень. Он ходил в театры, знал весь его репертуар, все его песни. Ему очень нравилась его прическа, его черный бодлон, его стиль. Цой говорил: ”Это мой цвет, это мой стиль“. И действительно знал и исполнял репертуар Боярского очень неплохо».

Мнения самого Цоя о Боярском, увы, не сохранилось, но вот что касается черного, то доступны несколько интервью Виктора, в которых тот говорит о своей любви к этому цвету.

Алексей Рыбин:

«Мы Боярского слушали, развлекались, и Виктор некоторые песни наизусть знал. Да что там Боярский! Мы на концерт Валерия Леонтьева в СКК ходили! Это же было профессионально, почему не посмотреть. Я вот Эдуарда Хилия люблю до сих пор».

Евгений Титов:

«Да что там Боярский... Мы со Свиньей на концерт Педко Педкова вместе ходили, сидели на первом ряду, "фанатели". Даже билеты покупали. В начале 80-х был такой болгарский эстрадный исполнитель, с усами как у таракана или Вилли Токарева, с кордебалетом. Может, это творческий псевдоним был такой, я не знаю. Мы афишу увидели, прикололись – решили сходить. Может, его звали Петко Петков, но все равно смешно. Он был не просто Педко, а еще и Педков. Двойной удар. И афиша была красивая – в центре сидит этот шпендик Педко, с огромными, торчащими в разные стороны усами, а его облепила толпа полуголых девок, и все довольные. Круто, в общем... Боярский отдыхал».

Антон Галин:

«Я прекрасно помню, как я, Свинья, Цой и еще пара персонажей культовых ходили в оперу с пивом. Сидели там, пиво жрали на балконе и слушали оперу».

Сергей Селюнин, музыкант группы «Выход»:

«Как это ни странно, Цой и Боярский были очень похожи. Не то чтоб на одно лицо, нет, но в том, как они проходили мимо "Сайгона". Оба в черном и по сторонам старались не смотреть. В общем, такие оба индифферентные. Разница только в том, что Михаил Сергеевич служил в Театре Ленсовета, и "Сайгон" ему, по большому счету, был не нужен – просто по дороге попадался, а Цой, когда уже почти великий стал, по старой памяти наверное, забредал случайно. И еще одно существенное отличие: Цой увидит Марьяну и давай бурно целоваться, а Боярский никого у "Сайгона" не целовал совсем. Брезговал, наверно».

Про симпатии Цоя к Боярскому не очень ясно, поскольку спутники молодости Виктора говорят одно, а вот друзья более позднего периода такого увлечения засвидетельствовать не могут.

Рашид Нугманов, режиссер фильма «Игла», вспоминал:

«Дело в том, что ни сам Виктор, никто из его близких, с кем я общался, о таком увлечении не говорил. Но ведь противоречия тут на самом деле нет. Если уж быть педантич-

ным, то надо бы, конечно, уточнить, чтобы потом не было разногласий. Я никогда не слышал от Виктора о его интересе к Боярскому или об их встречах».

В октябре 2014 года журналист газеты «Правда Севера» опубликовал интервью, взятое у Виктора Цоя в конце июня 1990 года. Приведу отрывок:

– У вас были какие-то очень любимые исполнители в детстве, в отрочестве?

– Цой (смущенно улыбаясь): – Я Боярского очень любил. Честно... И, конечно, Владимира Семеновича Высоцкого. Я и сейчас его люблю.

Кстати, что касается самого Боярского, то, когда Цой уже станет более или менее известен, именно он будет цензором по «литованию» текстов, курировавшим группу «КИНО».

Михаил Боярский, актер:

«Я достаточно близко был знаком с человеком, который мне понравился сразу. Это Виктор Цой. Я был его цензором. Мне приносили его тексты, для того чтобы я подписал: можно петь это или нельзя. И я подписывал – можно. Ну конечно, смешно. Он с хорошим юмором был, без фанатерий».

Шло время, и вот однажды случилось знаменательное событие, о котором **Алексей Рыбин** рассказал в своей книге ««Кино» с самого начала»:

«В один из обычных, прекрасных вечеров у Свина, когда все, выпив, принялись удивлять друг друга своими музыкальными произведениями, я и басист "Палаты" сидели на кухне и наблюдали за тем, чтобы три бутылки сухого, лежащие в духовке, не нагрелись до кипения и не лопнули раньше времени – наиболее любимая нами температура напитка составляла градусов 40–60 по Цельсию. Поскольку лично мы еще не были знакомы, я решил восполнить этот пробел:

– А тебя как зовут? – спросил я. – Меня Рыба.

– Меня Цой...»

Павел Крусанов:

«Когда мы познакомились с Цоем, а случилось это весной 1980 года, он красовался в узких черных штанах, черной рубашке и черной клеенчатой, утыканной булавками жилетке. Копна смоляных волос, смугловатая кожа и агатовые глаза довершали этюд. Определенная степень внешней припанкованности отличала и других участников этой компании, почему-то называвших себя "битниками", – Пиню и Рыбу, однако настоящим, идейным панком (правда, в собственной, несколько специфической трактовке этого понятия) был здесь, пожалуй, только Свин – актер по жизни и беззаветный чудила с весьма своеобразным чувством юмора. Нейтральнее других выглядел Олег Валинский, поэтому, должно быть, к нему так и не приросла никакая кличка...»

Алексей Рыбин:

«Мы начали выпивать, говорить о музыке, потому что больше ни о чем не говорили тогда, в те годы, и нашли какие-то общие музыкальные приоритеты, какие-то общие музыкальные группы у нас оказались, потом выяснилось, что Витя играет на бас-гитаре...»

Игорь Гудков:

«Тогда еще не было никаких ”квартирников“, никто не играл. Собирались на квартире у Андрея Панова в Московском районе. Он жил с матерью, она была известным хореографом, танцевала в балетной труппе нашего Мариинского театра. Позволяла нам собираться. Мы проводили там все время. Это был своего рода клуб по интересам. У Свина Цой познакомился с Алексеем Рыбиным, и они вдвоем начали что-то делать. Первый раз мы это увидели где-то через полгода с того момента, как он что-то там сочинил. Цой скромный был парень. Играл он, как я уже сказал, с Рыбиным, это была акустика. Все тогда играли очень плохо – в принципе, и до сих пор все играют плохо. Это было не главное, главное было, что ты мог написать песню. Это Виктор умел делать. Я помню, когда он впервые для нас сыграл на квартире нашего друга Паши Крусанова. Они пришли втроем – Цой, Рыбин и Олег Валинский (бывший глава Октябрьской железной дороги и нынешний вице-президент РЖД – он тогда в последний раз играл). Тогда это называлось не ”КИНО“, а группа

”Гарин и гиперболоиды“. Они пришли втроем и сыграли три песни. Мне тогда показалось, что это невообразимо круто. Это была песня ”Когда-то ты был битником“. И мы их заставили сыграть еще несколько раз».

Неожиданное знакомство действительно положило начало тесному общению и дружбе Виктора Цоя и Алексея Рыбина – Рыбы, тогдашнего музыканта группы «Пилигримы», с которым Цой в дальнейшем сблизился на почве одинаковых музыкальных пристрастий. Еще больше Виктора и Алексея сплотило совместное участие в исторической поездке 1981 года «Автоматических удовлетворителей» на подпольные концерты в столицу, устроенные Артемием Троицким.

Алексей Рыбин:

«Музыкальная активность, которую развил Свин, естественно, не могла остаться незамеченной на сером фоне русской музыки начала восьмидесятых. Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троицкий... Кроме рок-н-ролла, его очень интересовала новая музыка, и в частности панк. Он, конечно, вышел на Свина. Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение в Москву для исполнения перед публикой их произведений... На подготовку этих грандиозных гастролей ушло недели пример-

но две. Было выпито умопомрачительное количество сухого вина, написана целая куча новых песен и записана магнитофонная лента под названием "На Москву!!!" – хотел бы я знать, где она сейчас, вещь была очень достойная. Когда запись была закончена и выбраны дни для поездки – суббота и воскресенье, поскольку все работали, а прогуливать боялись или не хотели, – стали думать и гадать, кто же поедет и кто на чем будет играть. Однозначно было "АУ (Автоматические удовлетворители)" – Свин, Кук и Постер, остальных вроде бы и не звали, но поехать хотелось многим, и Свин сказал, что все трудности с ночлегом и прочим он решит с Троицким сам и кто хочет ехать, может смело составить ему компанию. "Он звал 'АУ' – а может, у меня в 'АУ' сейчас десять человек играют – принимай, дорогой!" – обосновал Свин свое решение...»

Само собой, присоединиться к «АУ» решило довольно большое количество молодых людей из компании Свины, в том числе и Алексей Рыбин. На этих памятных концертах «АУ» Цой играл на басу и даже исполнил одну из своих песен, которая не произвела на аудиторию особого впечатления.

Алексей Рыбин:

«Первая песня Цоя была такая:

Вася любит диско, диско и сосиски...
В дискотеку Вася ходит каждый день.
В дискотеке Васю знает диск-жокей...
Вася-дискомен...

И что-то дальше в этом роде. Очень слабая песня. Да и вообще – не песня, считай... Потом еще ”Идиот“ был: ”Я ненормальный человек, и ненормально все вокруг...“ – вот эта вот вещь... Потом из этой песни сделан ”Бездельник номер № 2“...»

Андрей Панов:

«С великой ”наколки“ Майка поехали мы в Москву. К Триоцкому. Майк до этого уже был там с Гробощенковым и еще с кем-то. Якобы как панк. И мы зимой семьдесят девятого, по-моему, поехали туда большой толпой давать концерты. Там Витя еще спел свою не очень удачную вещь ”Вася любит диско, диско и сосиски“. Ну, тогда все очень сильно были против диско. Хорошая музыка, как мне сейчас кажется. А мы там проканалы с переделанной вещью Макаревича ”...И первыми отправились ко дну“. Ну, а Москва – город маленький, сразу все узнали, схватились за это: новые люди, новая музыка! И мы дали еще концерт в чьей-то квартире, а потом в каком-то мелком клубе. В общем, когда вернулись, оказалось, что и до Питера разговоры дошли».

Антон Галин:

«Все эти поездки со Свиньей в Москву несколько раз... Все это было по квартирам, десять человек каких-нибудь эстетов придут, посидят, попохочут и уйдут. Примерно в то время все и познакомились с Липницким, Троицким... с московской такой же тусовкой. "Звуки Му" – они же, в общем-то, так же начинали, все по каким-то квартирам играли... То есть среда формировалась примерно в одно время среди этих людей...»

Тут можно упомянуть об одном моменте. Сегодня воспоминания участников этого концерта весьма разнятся. К примеру, Игорь «Пиночет» Покровский на пару с Андреем «Дюшей» Михайловым утверждают, что концерт «АУ» был не зимой, а летом. Но это очевидная игра памяти, поскольку Алексей Рыбин, Артемий Троицкий и иже с ними вспоминают именно зимний концерт и Свина в русско-морозном варианте.

Алексей Рыбин:

«Был именно зимний концерт в большой компании и с кучей народу. У Рошалья. На квартире. Устраивал Артем. Да. Это был именно зимний концерт в большом составе – Свин, Цой, Валинский, я, Пиночет, Дюша, Панкер, Кук и Постер. Играли на квартире у Рошалья, а на следующий день выступали в каком-то подростковом клубе. Устраивал это все тоже Артем, а ночевали мы у его знакомой, которая работала

в каком-то театре».

Поскольку исполненный в Москве «Вася» никого не впечатлил, Цой продолжил сочинять новые песни, и чуть позже родилась его, по сути, визитная карточка – «Мои друзья».

Пришел домой и, как всегда, опять один.
Мой дом пустой, но зазвонит вдруг телефон,
И будут в дверь стучать и с улицы кричать,
Что хватит спать. И пьяный голос скажет: «Дай пожрать».

Мои друзья всегда идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.

Антон Галин:

«Я помню, я как-то к Цою пришел и помог ему с парой строчек... Он говорит: вот, помоги мне, пожалуйста, есть такая песня "Мои друзья всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков". Вот мы сидели с ним там, придумывали рифмы, это я как-то вот так вот помню... Помню, ничего такого, но что-то типа "помоги мне – в одном месте у меня никак..." Но потом что-то разрулили, и все. Ну и потом он стал уже ездить-ездить. А я уже поступил в театральный институт, мне вообще уже стало не до этого. Да, мне не очень было интересно все это, честно говоря, я и сейчас не очень... Я помню еще тогда, когда встречались какие-то

общие знакомые, то хохотали по поводу того, что Цой популярен и кому-то нужен. Все говорили – во, Цой, хахаха. Потому что никто не мог понять – кому это все надо, зачем и к чему...»

Андрей Панов:

«После того случая его прорвало, как-то раз приходит, играет новую – она есть в первом альбоме: ”Мои друзья всегда идут по жизни маршем...“ Это его если не вторая, то третья песня вообще. А ее довольно тяжело сделать, настолько все музыкально накручено. Помню, он говорил: мне, мол, нравится, что мы все у тебя встаем и с похмелья идем к пивному ларьку, даже зубы не чистивши. Не знаю, в чем здесь романтика, но очень многие так говорят. Потом еще песню сочинил, потом еще. Хорошие вещи. Они нигде не записаны...»

Игорь Гудков:

«Первая песня, которую я услышал от Цоя, – ”Когда-то ты был битником“, это было дома у Паши Крусанова, который снимал квартиру. И вот Цой там тогда ее сыграл. Она ужасно всем понравилась, и вот тогда выяснилось, что у Цоя есть еще песни».

Михаил Дубов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Кстати, у меня на хате происходила премьера первой цо-

евской песни ”Мои друзья всегда идут по жизни маршем“ в 1981 году... Ко мне тогда завалилась вся тусовка во главе с Андрюхой, Витей, Артемом и т. д., предки откровенно ох... ли...»

Евгений Титов:

«”Мои друзья“ вообще про Свинью и его квартиру, когда Цой почти каждый день там тусовался в 1980/81-м, и пивной ларек на проспекте Космонавтов еще недавно стоял на том же месте...»

По легенде, 21 марта 1981 года на Крестовском острове, в ресторане «Трюм», на дне рождения Андрея Тропилло, Цой впервые публично исполнил песню «Мои друзья». Тут необходимо отметить, что на самом деле Цой выступал, скорее всего, скорее всего 22 марта (по иной версии – через неделю), причем уже в ресторане «Бриг», на улице Чайковского, 17, поскольку 21 марта «АУ» в ресторане «Трюм» попросту не выступали.

Евгений Титов:

«21 марта дирекция ”Трюма“ вообще всех выгнала. И как раз из-за поведения Свиньи и его товарищей. С самого начала они шокировали всех проходящих тем, что при входе имитировали акт коллективной мастурбации – то есть трясли х...ми на всех входящих приглашенных гостей и дальше в

том же духе. Дирекция хотела сразу вызвать ментов, а самого именинника – Тропилло – не было, он только после девяти вечера приехал, когда уже ничего не происходило и Свинья с компанией уже свалили оттуда. И тогда Тропилло, которому было обидно, что он пропустил все ”веселье“, договорился с рестораном ”Бриг“ на следующий день и всех, кто был в ”Трюме“, пригласил туда. И вот там уже как раз и был концерт. Мне Тропилло рассказывал сам со слов гостей – типа, куда ты нас пригласил и что это за дебилы были, которые встречали нас с порога, тряся х...ми и с дикими воплями? Но он сам этого не видел, и ему было обидно. Потому он раскошелился на второй день банкета, чтобы уж точно ничего не пропустить...»

Как упоминает Евгений Титов, Тропилло действительно опоздал на свой день рождения. В тот вечер ему пришлось задержаться на концерте группы «Мифы» во Дворце молодежи, где он выполнял обязанности звукорежиссера. Пропустив из-за своего вынужденного опоздания все самое интересное, Тропилло решил все повторить и на следующий день арендовал зал ресторана «Бриг», где, собственно, уже и играли все желающие поздравить юбиляра. Кстати, сохранилась фотография с этого концерта, сделанная Валентином Барановским, талантливым фотографом, в ресторане «Трюм». Молодой, с небольшими юношескими усиками Цой сидит вытянув ноги рядом с дурачащимся Пановым и приятелями.

Всеволод Гаккель, музыкант группы «Аквариум»:

«Примерно через месяц Тропилло решил отпраздновать свой тридцатилетний юбилей, который прошел в два этапа. Первый был в ресторане "Трюм", на Крестовском острове, куда он привез маленький аппарат и пригласил своих дружок-музыкантов. Но концерт не получился, потому что соседи сверху вызвали ментов, нам пришлось отключить аппарат и молча напиться. Через неделю он договорился в ресторане гостиницы "Нева" на улице Чайковского. Он гулял на широкую ногу и всех поил шампанским, а выступали "Автоматические удовлетворители" и Цой. Так был заложен фундамент новой волны...»

Андрей Тропилло вспоминал:

«Я родился 21 марта 1951 года. 21 марта 1981 года в ЛДМ был большой концерт группы "Мифы", грандиозное событие... Закончился этот концерт в полдесятого вечера... А у меня был друг, Саша Разумов, мы с ним родились в один день. Он работал барменом в гостинице "Астория". И мы с ним договорились, что мы на пару снимем ресторан "Трюм", только пока он там будет развлекать гостей, я подойду после концерта. Концерт задержался, и, когда я пришел, было уже почти десять вечера. Неожиданно выяснилось, что играть можно только до десяти, потому что дом, в котором был ресторан, заселен какими-то старыми коммунистами, кото-

рые уже стали милицию вызывать... Но мы все равно начали немного играть... На мой день рождения пришел коллектив "АУ", где на бас-гитаре играл Виктор Цой. Тогда они, правда, назывались еще не "АУ", а группа "Х...й". Вот именно так. Никакого "АУ" еще не было. Это потом оно появилось... На ударных у них был сегодняшний директор Октябрьской железной дороги... Присутствовало очень много разных людей, Гребенщиков, Майк, Троицкий и всякие иные...

Когда я пришел туда, мне мой приятель Разумов говорит – ты знаешь, что они делали? И рассказывает мне, что вот Свин, Цой, Швед и еще пара человек сели в круг и дрочили. А гости-то были не только мои, но и товарища-бармена, и они были шокированы просто. Не знаю уж, дрочили ли они по-настоящему или там были у них муляжи х...ев, но дрочили они – это точно. Просто посередине зала, чем ввели народ просто в состояние ступора. И гости стали меня стыдить, типа, ты что делаешь... В общем, мы решили просто перейти в другой зал. А у этого Саши был друг в ресторане "Бриг", а "Бриг" этот на улице Чайковского, недалеко от Большого дома. Там сейчас находится гостиница "Индиго", такая жирная... Так вот, именно там потом и состоялся второй день концерта, на котором, кстати, Цой играл на ударных инструментах. Это был единственный раз, когда я видел его за ударными. Но это было. И пел он песню "и в окне моем не горит свет..."... Гребенщиков спел в таком некоем стиле китч, с завываниями, песню "Москва златоглавая". И после

нее Троицкий сказал Гребенщикову, что вот, мол, эта шпана сотрет тебя с лица земли...»

Андрей Панов:

«А потом нас пригласили в ресторан "Трюм" на тридцатилетие Тропилло. "АУ" все пришло, и с нами, естественно, Витя, поскольку мы все время вместе болтались. И, как сейчас мне кажется, была тогда у Гробощенкова мысль "АУ", ну, что ли, пригреть – все-таки новые люди, молва такая... А поскольку я вел себя там отвратительно, о чем очень жалею, и на всю катушку дурака валял, то он, видимо, поостерегся. Мы там поиграли, а потом Витя спел какие-то свои темы. У него к этому времени накопилось вещей пять. И Гробощенков, очевидно, понял – вот кого надо брать. И правильно, кстати, понял. И с тех пор Витя приходил ко мне все меньше и меньше, говорил, что все время у БГ находится. И потом, когда уже у него был первый концерт в Рок-клубе, я к нему даже после не подошел, потому что Вите это уже было не надо и, я думаю, даже претило его понятию. Я это без обиды говорю. Просто он прошел этот период – и идиотства, и информационной накачки. У него уже был другой круг знакомых. Я сам прекрасно понимал обстановку, что я, в принципе, уже не нужен, там трамплин гораздо выше. Но это было потом. А вообще, пока Витя не стал большим человеком, он был, в общем-то, очень смешной парень...»

Именно на этом концерте Цой, сыгравший «Моих друзей», неожиданно получает признание Артемия Троицкого, который в ходе московских гастролей «АУ» не обратил на него никакого внимания. Но тут песня так подействовала на него, что Артем потом везде о ней рассказывал, в том числе и Борису Гребенщикову, предрекая: «Вот та молодая шпана, что сотрет вас с лица земли». Цой же, по словам Алексея Рыбина, взбодрился после похвалы Артема и начал работать над новыми песнями.

По воспоминаниям очевидцев, Гребенщиков тоже тогда был в «Бриге», но пропустил слова Троицкого мимо ушей и впервые официально услышал Цоя только в электричке, когда ехал с одного из своих квартирных концертов в Петергофе. И вот тогда БГ, как и Троицкий ранее, был поражен талантом и искренностью юного музыканта.

Из воспоминаний Бориса Гребенщикова, лидера группы «Аквариум»:

«Они подсели ко мне: "Можно мы песни споем?" Ну, я хоть и был выпивши легкого вина, ну, интересно, и все равно в электричке делать нечего – "ну давайте". Спели мне две песни. Первая была никакая, вообще ноль, а вторая была бриллиант просто сразу – "Мои друзья". У меня челюсть отвисла...»

Сегодня многие утверждают, что именно они познакоми-

ли Цоя и Гребенщикова. Поэтому история этой судьбоносной встречи стала мифом. Троицкий и по сей день доказывает, что «это именно я», Тропилло говорит, что «именно на своем дне рождения я их лично познакомил» и так далее, и тому подобное. Но единственный человек, который может знать наверняка, как именно это случилось (поскольку он был непосредственным свидетелем), – это Алексей Рыбин.

Алексей Рыбин:

«Никто их не знакомил. Они просто встретились в электричке и познакомились. Вместе со мной. Вот и все. Я Бориса знал еще раньше, но не близко. Мы менялись пластинками на "толчке". Сейчас никто уже не скажет, как все было на самом деле... Подозреваю, что Троицкий Цоя тогда еще сам не знал. Я не помню, "Трюм" был до или после "Дураков и Гастролей". Но и на "Дураках" Цой на Троицкого большого впечатления не произвел. Там главным был Свин. А Цой вообще находился в тени. У него и песен-то, кроме "Идиота", не было. А "Идиот" была слишком сложная песня для восприятия на панк-вечеринках».

Есть еще один нюанс: почему-то всегда считалось, что БГ в момент знакомства с Цоем и Рыбой был один. Но это не так.

Всеволод Гаккель:

«Как гласит легенда, сто раз кем-то пересказанная, Боб познакомился с Цоем в электричке. Только история почему-то умалчивает о том, что там были и все прочие участники группы "Аквариум", поскольку мы все возвращались со своего концерта».

Компания Свиньи постепенно перестает интересоваться Цоя и Рыбина, и они все больше сближаются с Майком и Борисом Гребенщиковым, постепенно превращаясь из панков в "новых романтиков".

С Михаилом Науменко Цой и его приятели Алексей Рыбин и Олег Валинский познакомились примерно в одно время. Сначала это было заочное знакомство, которое произошло благодаря Игорю "Панкеру" Гудкову, который дал послушать ребятам только что записанный альбом "Сладкая Н". Чуть позже произошло и реальное знакомство. Случилось это, по словам Олега Валинского, в квартире Александра Жарова, приятеля Георгия Ордановского, лидера "Россиян".

По мнению многих знакомых Цоя, именно Майк стал для Виктора своего рода гуру, которому он показывал свои новые песни. Именно об этом говорит московский знакомый Виктора, Алексей Дидуров.

Алексей Дидуров, музыкант группы «Искусственные дети»:

«Майк для Цоя был еще и гуру, которому Цой, пацан-пэт-эушник, носил на разбор и оценку новую песню. И именно Майк, дождавшись, когда Цой достигнет определенного уровня, нежно передал его БГ».

Алексей Рыбин:

«Поскольку мы любили группу "Аквариум", в силу того, что были точно такими же уродами, как и "Аквариум", и не любили группу "Мифы", то всегда хихикали над доморощенным хард-роком отечественного производства, который пел о том, что нужно открыть дверь и впустить свет... Об этом все пели. БГ об этом не пел и тем был нам мил. А Майк вообще пел про портвейн, баб и все остальное, чем просто нас обаял. И мы не могли не подружиться с Гребенщиковым, потому что других людей просто не было».

Виктор Цой:

«Если говорить о философии или взгляде на жизнь, то мне очень близок Майк, когда он говорит "Живи как живется". Другими словами то же самое говорится в "Дао дэ Цзин", где излагается принцип недеяния, но это не означает призыва лежать на спине и плевать в потолок...»

Наталья Россовская:

«Майк, несомненно, был учителем Цоя. Витя по молодости был очень в себе не уверен, и мнение Майка для него было решающим. Пока не появился Борис Борисыч. Кста-

ти, к БГ Цоя отвел Майк. Почему-то об этом не принято говорить... Думаю, что Майк и Цой не были друзьями. В высоком понимании (а для меня "друг" – это очень серьезно). Майк помогал молодому музыканту, пока молодой музыкант не оперился. Майку нравилось "КИНО" с Лешей Рыбиным, а у меня с Цоем был нежный "школьный" роман... Все честно и чисто. Я знала все Витькины песни. Они с Лешей разрешали "подмурлыкивать", а иногда просили "подлялякивать" (в "Весне", например)...»

Общение Цоя с Пановым сводилось к случайным встречам на тусовках, поскольку компания Гребенщикова откровенно претила Свиные и его окружению.

Здесь уместно упомянуть об одной истории. Как-то Свиная, впервые приехав в Москву (а-ля молодой ковбой), пришел в «Салун Калифорния» на Самотеке и, распахнув дверь «учреждения» ногой, заявил: «Ну вы, б... я Свиная, мы на гастроли приехали!» В ответ он услышал: «А я Хозяин. Но ты, б..., можешь звать меня просто – Лелик». Этот Лелик (в миру Леонид Россиков), обладавший внушительным ростом и развитой мускулатурой, стал как бы телохранителем Свиной, который, будучи настоящим панком, постоянно влипал в истории. И вот на одном из квартирников в Москве (у Владимира Левитина) Цой, игравший с Рыбой, случайно столкнулся со Свином. Крепко выпивший Панов начал обвинять Цоя в «мажорстве» и даже назвал его песни «сопливой эст-

радой». Цой же парировал словами: «А ты все дерзаешь? Ну-ну, дерзай» – и похлопал того по щеке. И едва не попал под удар Лелика, который расценил движение Цоя как нападение на Свинью... Конфликт конечно же был улажен, но Свин неоднократно потом упрекал Цоя и Рыбу в «мажорстве», что вызывало у них жгучее раздражение, не меньшее, чем когда их называли панками, которыми ни Цой, ни Рыба себя не считали.

Илья Смирнов, журналист, организатор первых рок-концертов:

«Случались и от своих неприятности. Один из первых их концертов, еще с Рыбой, на квартире у замечательного человека Попова, который на самом деле был студент Плехановского института Володя Левитин... Мы старались шифровать людей, особенно связанных с распространением билетов и с журналом. Я знал его настоящую фамилию, а многие искренне полагали, что он Попов, а, например, студент МИМО Саша Лукин, ныне большой специалист по Китаю, был Матвеев – ”что тот евангелист, что этот“, как сказал бы Б. Брехт. Художнику Юре Непяхареву даже звонили на завод, где он работал, и просили Хипова к телефону. Так вот, на тот квартирный концерт заявили ленинградские делегаты Всесоюзного съезда панков на Самотеке, Свинья и Нехороший, очень обиженные на Рыбу и Цоя за измену своему грязному делу, не простившие Цою предательского знаком-

ства с Гребенщиковым, и, увидев неоромантические наряды, совсем озверели... И с хиппи тоже возникали проблемы...»

Итак, новыми учителями Цоя и Алексея Рыбина стали Майк и БГ, то есть можно с уверенностью сказать, что наставников Виктор и Алексей выбрали себе безошибочно.

Алексей Рыбин:

«Кстати, творчество Гребенщикова Панов действительно не любил. Он называл Бориса Борисыча Гробощенковым и морщился, когда мы с Цоем подбирали на гитаре песни с только что вышедшего "Синего альбома". Но он никогда никому и ничего не запрещал. Если уж ты попадал внутрь его квартиры, то дальше мог любить любую музыку и любых исполнителей».

Евгений Титов:

«Есть же большое интервью со Свиньей о Цое, там он сам подробно про все говорит. И даже не пьяный (вроде), так что, скорее всего, как он там говорит, так все и было. И даже то, что Цой перекинулся в компанию Гребенщикова, – так Свинья сам говорит, что это было правильно, так как с ними Цой больше смог сделать, вышел на другой уровень».

Андрей Чернов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Я никого не хочу обидеть, но Андриюхе были глубоко по х... и Цой, и Гробощенков, и многие другие... Для него этого не существовало, о чем он и сказал Цою. Тот и телефон ”забыл“ после этого».

Впоследствии Цой действительно почти не пересекался с Пановым, разве что на фестивалях Рок-клуба.

Андрей Панов:

«Я еще некоторое время звонил ему, но... Один раз, правда, он сам позвонил, когда у него сын родился. Хотел пригласить на день рождения. Но я, естественно, был пьян, за чем-то ему нахамил и бросил трубку. Вот и все. Один раз мы встретились в Рок-клубе. Как говорил Зиновий Гердт в фильме ”Соломенная шляпка“: ”Вы еще когда-нибудь виделись с вашей женой?“ – ”Да“. – ”Ну и что же?“ – ”Мы раскланялись“. Так и мы с Цоем – даже не поговорили, вынужденно поздоровались, и все».

Николай Кунцевич, музыкант:

«Впервые я узнал о Викторе Цое в 1982/83 году, услышал на кассете (тогда были кассетные магнитофоны) песни ”Восьмиклассница“, ”Алюминиевые огурцы“ – собственно говоря, группу ”КИНО“». А потом я узнал, что там поет Виктор Цой. Когда мы виделись с Андреем Пановым, мы никогда не говорили о Цое. У нас были другие темы для разго-

воров. О том, что Виктор играл с Андреем, я узнал из воспоминаний Алексея Рыбина, прочитав об этом в его книге...»

Как уже было сказано, удачные выступления с «АУ» в Москве и последующие тусовки сблизили Виктора и Алексея Рыбина, и после совместного похода ребят в СКК на концерт «Форварда» и «Автографа» (по сути, первых профессиональных рок-групп советской официальной сцены) все это вылилось в совместную поездку (в компании с общим другом – Олегом Валинским) в Крым, в поселок Морское. Поскольку идея поездки пришла спонтанно – с билетами было туго, так что до Крыма ребята добирались в разных поездах. Олег с Алексеем вместе, а Цюю пришлось ехать одному, что совершенно не смутило Виктора, тем более впереди был отдых... Кстати, как вспоминал впоследствии Валинский, изначально ребята ехали не в Морское, а в местечко Солнышко, куда ребята после встречи на вокзале в Симферополе и отправились, но после того, как Солнышко разочаровало, было решено переехать в Судак, а затем в Морское.

Море, пляж, местное вино в трехлитровых баллонах и горячее желание реализовать творческий потенциал привели к тому, что именно там, в Морском, были впервые произнесены вслух слова о создании новой группы, которую с ходу окрестили «Гарин и Гиперболоиды». Отдых был совершенно забыт, и, вернувшись в Ленинград, молодые музыканты с головой погрузились в репетиции.

1982–1986

«Сорок пять»

Итак, работа, начатая еще в Морском, не прекращалась и по возвращении в Ленинград. Виктор, Алексей и Олег непрерывно репетировали дома, отдавая предпочтение той из их квартир, где отсутствуют родители. В результате упорного труда к осени 1981 года была готова идеально отработанная сорокаминутная программа, которую не стыдно показывать.

Олег Валинский, музыкант первого состава «КИНО»:

«Название "Гарин и Гиперболоиды" родилось от Гребенщикова. Цой уже был с ним знаком. Когда все началось, Цой обратился к Гребенщикову: мол, хотим играть, как назваться? Боб сказал: "Ну, назовитесь "Гарин и Гиперболоиды"". И все, больше мы об этом не думали».

Алексей Рыбин:

«Нам ужасно нравилось то, что мы делали. Когда мы начинали играть втроем, то нам действительно казалось, что мы – лучшая группа Ленинграда. Говорят, что артист всегда должен быть недоволен своей работой, если это, конечно, на-

стоящий артист. Видимо, мы были не настоящими, потому что нам как раз очень нравилась наша музыка, и чем больше мы торчали от собственной игры, тем лучше все получалось. Это сейчас вокруг Цоя создана легенда и он воспринимается всеми как ”загадочный и Богом отмеченный...” А он был совершенно обычным, неоригинальным и заурядным парнем. Который просто вдруг начал писать хорошие песни. Все. На этом, как говорится, ”точка, конец предложения“. Ничего сверхъестественного в нем не было вообще».

Павел Крусанов:

«Где-то с августа 1981-го Цой, одолжив у меня бонги, цилиндры которых были покрыты ярким малахитовым пластиком, вместе с Рыбой и Валинским усердно репетировал акустическую программу. ”КИНО“ в ту пору еще не родилось – группа называлась ”Гарин и Гиперболоиды“. Носитель редкого мелодического дара, Цой, разумеется, царил здесь безраздельно. Секрет заключался в эксклюзивной формуле вокала. Цой вел основную партию, а Рыба с Валинским заворачивали этот добротный продукт в такую, что ли, неподражаемо звучащую обертку. У Валинского был чистый, сильный, красивый голос, кроме того, он довольно долго и вполне профессионально пел в хоре – таким голосовым раскладкам, какие он расписывал для ”Гарина...”, позавидовали бы даже Саймон и Гарфункел. Цоевский ”Бездельник“ (”Гуляю, я один гуляю...”), под две гитары и перкуссию, грамотно раз-

ложенный на три голоса, был бесподобен. Возможно, это вообще была его, Цоя, непревзойденная вершина. Я не шучу – тот, кто слышал ”Гарина...” тогда вживую, скажет вам то же самое (тропилловская запись альбома ”45“, составленного из песен той поры, делалась, увы, уже без Валинского, пусть и с участием практически всего ”Аквариума”».

Конечно же, ни о какой концертной деятельности ребята пока мечтать не могли, все музицирование сводилось к исполнению песен в компании знакомых и друзей. И вот как-то получилось, что на дне рождения Игоря «Пиночета» Покровского (по другой версии, Алексея Рыбина, поскольку дни рождения Игоря и Алексея почти совпадают) появился Борис Гребенщиков, и, как рассказывает он сам, «самым существенным событием мероприятия стало то, что глубокой ночью Цой вместе с Рыбиным стали петь свои песни».

Уехал же Гребенщиков оттуда с четкой мыслью «о том, что нужно немедленно поднимать Тропилло и, пока вот это чудо функционирует, его записывать».

Борис Гребенщиков:

«Тогда как танком прокатило, я и подумать не мог, что такой величины автор вырос в Купчине и доселе никому не известен. На следующий день стал звонить друзьям-звуко-режиссерам, уговаривая их немедленно записать песни Цоя, пока ребятам еще хочется играть. Я очень счастлив, что ока-

зался в нужный момент и в нужное время».

Тем временем, к началу 80-х годов, в СССР сформировалось полноценное рок-движение, которое власть даже поддерживала, не желая провоцировать протестную стихию. Так, по государственной инициативе в 1981 году был открыт ставший настоящей легендой первый в Союзе Ленинградский Рок-клуб.

Разумеется, Цой, Рыбин и Валинский решили вступить в Рок-клуб, членство которого давало хоть какие-то возможности более-менее официально выступать перед публикой. 26 сентября 1981 года они подали заявку на вступление.

Отрепетировав всю программу еще раз, 29 сентября участники группы довольно успешно показали себя перед приемной комиссией совета Ленинградского клуба любителей рок-музыки и, ответив на ряд идеологических и других вопросов, 30 января 1982 года были приняты в Рок-клуб.

Николай Михайлов, президент Ленинградского Рок-клуба:

«Я помню, например, Виктора Цоя еще в составе группы "Гарин и Гиперboloиды". Народ их не очень любил, и они действительно играли плохо. Но уже тогда от Цоя настолько перло, что мы решили эту группу принять, дать им возможность развиваться. Они даже начали репетировать, хотя Цой и любил говорить, что пусть репетируют те, кто играть

не умеет. Такая же история была с "АукцЫоном". Тех, кто показывал потенциал, но не дотягивал до нужного нам уровня, мы оставляли в кандидатах на вступление в Рок-клуб. "АукцЫон" был как раз кандидатом. У нас было то, что мы называли голосованием ногами. Когда группа не нравилась, народ шел в буфет пить пиво. Так вот, поначалу на выступлениях "АукцЫона" буфет был полон...»

Федор Лавров:

«В рок-тусовке было явственное расслоение даже по возрасту. Люди, которые были всего на несколько лет старше, хипповали. А для панков хиппи были вчерашним днем. Для нас "Аквариум", заявлявший, что они играли панк на фестивале в Тбилиси, был унылой хиппанской музыкой. Удивительно, что когда "КИНО" вступило в Рок-клуб, хотя Рыба и Цой были панками, к ним тоже стали относиться с ревностью».

Алексей Рыбин:

«В Ленинграде теперешние "лучшие друзья" Цоя нас вообще не воспринимали! Кроме "Аквариума" и "Зоопарка", нас все считали гопниками. И в Рок-клубе мы были какими-то отщепенцами. Нам устроили всего два концерта, в порядке общей очереди. И вся околomuзыкальная тусовка нас презирала».

Алексей Вишня, музыкант, звукорежиссер:

«Я сразу поверил в Витю с Рыбой, а вот рок-общественность поначалу отнеслась к Цою довольно скептически. ”КИНО“ даже не хотели принимать в Рок-клуб: ”Что они играют? Где зажигательный рок-н-ролл?! Устроили тут ля минор, до мажор, мы тоже так умеем!“ Публика жаждала пафоса и общественных призывов, а не лирики...»

Владимир Рекшан, музыкант:

«Весной 1982 года, когда я пришел в Рок-клуб на концерт, о будущих потрясениях и речи не шло. Зал Дома народного творчества предназначался для театральных постановок, и отличались клубные концерты отвратительным звуком. Половину концертов народ проводил в буфете, где продавались пиво, кофе и мелкая закуска. Я обычно приходил на Рубинштейна, чтобы встретить знакомых и поболтать, проявив таким образом причастность к определенной социальной группе. Постоянно появлялись новые люди, и, если ты планировал продолжать сценическую деятельность, следовало держать нос по ветру. Никого не встретив в буфете, я отправился в зал и сел в партере, услышал, как объявили дебютантов: ”Группа ’КИНО‘!“ Несколько человек в зале вяло захлопали в ладоши. На сцене появился сухопарый монгол в рубашке с жабо, сделал сердитое лицо и заголосил. Монгол оказался Цоём. Рядом с ним на тонких ножках дергался славянин, и оказался он Алексеем Рыбиным, Рыбой. Откуда-то из-под

сцены периодически вылезал БГ с большим тактовым барабаном и исчезал обратно.

”И что они этим хотели сказать?“ – несколько надменно подумал я, забыв, что и сам двенадцать лет назад выбегал на университетские подмости босиком...»

Илья Смирнов:

«Нужно помнить, что Цой пэтэушник. И что он начинал свою карьеру среди ленинградских панков, тоже вполне пэтэушных, которые назывались ”звери“ и в свободное от хулиганства время как бы музицировали в манере Sex Pistols. Наследием этого периода стали песни в репертуаре ”КИНО“: ”Мама-анархия“, ”Звери“ и ”Мои друзья“. Цоя уже с новым составом ”КИНО“ в Рок-клуб сильно засасывало. Но ведь не засосало. Потому что Рок-клубовская тусовка, где ”каскадеры на панели играют в Запад“, не была единственной референтной группой. Параллельно существовало рок-движение со своей системой ценностей. На подпольных концертах не оценивали музыканта по покрою штанишек. Некий коллективный разум, всесоюзный худсовет, рассредоточенный по сотням квартир, красных уголков, домашних студий звукозаписи, ухитрялся распознавать в море наивной самодеятельности ”искру электричества“ и потом поддерживать, чтобы талант не деградировал, а развивался: с ошибками, с конфликтами, с бытовыми неурядицами, но своим неповторимым путем...»

Вскоре группе пришлось расстаться с ударником. Олега Валинского забрали в армию, и Виктор с Алексеем остались одни.

Олег Валинский:

«Сначала меня направили в учебку в Павловск, там была радиоразведка... А потом полтора года я служил на Кубе... А придя из армии в ноябре 1983 года, я узнал, что Цой с Рыбой уже не играют вместе».

Виктор Цой:

«Первый концерт в Рок-клубе, в 81-м году, мы играли в таком составе: я и Рыба, барабаны – звучала фонограмма электрической ударной установки, Миша Васильев (из "Аквариума") играл бас, а Дюша (Андрей Романов, также "Аквариум") – клавишные. Концерт прошел ровно, понравился и нам, и публике».

Игорь Гудков:

«Я не помню, каким образом группа "КИНО" попала на сцену Рок-клуба. Единственное, что я помню, что выступали первыми, потому что последними играли самые известные в Рок-клубовской грядке. Помню, что Цой боялся выступать первым, все-таки первый концерт, все было не очень понятно... Собирали сценические костюмы им. Все принесли то, что у них было. Я принес две рубашки, очки, узкие та-

кие, у меня дома была родительская коллекция... В то время я учился играть на кларнете, ходил в джазовую школу безуспешно, но при этом у меня были кларнет и саксофон. И вот Цой увидел у меня саксофон и говорит – может, поможешь нам на саксофоне? Я говорю – ты что, я не умею играть на саксофоне! А он говорит – не надо ничего играть. Вот есть песня – “Когда-то ты был битником”, нужно играть одну ноту. Просто зажимать и выдавать одну ноту. Это я мог делать. Вот так и получилось мое появление на сцене с ”КИНО“. Там Майк еще вылез с гитарой с одной стороны, я с саксофоном с другой, это была последняя песня. Звук был настолько плохой в Рок-клубе в то время, что ничего в принципе слышно не было... Никто ничего не понял. Я уверен, что никакой славы Цой тогда не стяжал, но публика, пришедшая на рок, в зале сидела. Конечно. Наверняка ничего из представленного им не понравилось, но нам понравилось очень. У нас была настоящая гримерка, с кем-то напололам. И это было очень здорово. У меня есть пара фотографий с этого концерта, где я с саксофоном скачу на первом плане...»

Виктор продолжал писать песни, подолгу оттачивал их, обыгрывая те или иные гармонии, Алексей приезжал к нему, вместе они придумывали аранжировки, готовясь к будущей гастрольной деятельности.

Алексей Рыбин:

«Витька был упорным и в этом плане трудолюбивым человеком. Некоторые песни рождались у него очень быстро, но над большей частью того, что было написано им с 1980 по 1983 год, он сидел подолгу, меняя местами слова, проговаривая вслух строчки, прислушиваясь к сочетаниям звуков, отбрасывая лишние и дописывая новые куплеты... Так же осторожно он относился и к музыкальной стороне дела. Витька менял аккорды до тех пор, пока не добивался гармонии, которая полностью удовлетворяла бы его, – в ранних его песнях практически нет сомнительных мест, изменить в них ничего невозможно».

После бурной встречи Нового, 1982 года и довольно удачных концертов в Москве, устроенных московским музыкантом Сергеем Рыженко, о которых можно прочесть в многочисленных воспоминаниях и рассказах свидетелей, Виктор с Алексеем, с подачи БГ, решают записать свой первый альбом. Решено было и сменить название группы, поскольку старое – «Гарин и Гиперболоиды», как этого и следовало ожидать, перестало устраивать музыкантов, тем более что применительно к дуэту Цой – Рыбин оно звучало достаточно странно. «Вы же новые романтики – вот и исходите из этого», – дал отеческое наставление Гребенщиков.

Алексей Рыбин:

«После поездки в Москву к Троицкому и Липницкому о

наших удачных гастролях распространились слухи в Питере, на Цоя стали обращать внимание. Так что столица нас оценила первой. Мы искали какие-то пути... Все записывали свою музыку дома на магнитофон, по счастливому стечению обстоятельств мы познакомились с БГ и группой "Аквариум". И, по-моему, именно Борис инициировал эту запись, убедил Тропилло и своих друзей».

С рождением названия «КИНО» связано много разнообразных легенд. К примеру, Алексей Дидуров утверждал, что такое название закрепилось за группой после новогодних гастролей в Москве. Кто-то из гостей, увидев, как молодые, разогретые красным вином Алексей и Виктор плещутся в ванной голышом, произнес в восхищении: «Ну вы даете, ребята, просто кино какое-то!»

Сам же Алексей Рыбин вспоминал, что название «КИНО» пришло после того, как они с Цоем провели целый день за перебиранием всевозможных слов. Толкового на ум ничего не приходило (рассматривались даже «Ярило» и «Пионеры»). В итоге, после целого дня мучительных переборов всевозможных существительных, внимание ребят, шагавших по Московскому проспекту, привлекла надпись «КИНО», одиноко светившаяся на крыше кинотеатра «Космонавт».

Алексей Рыбин:

«Я, кстати, сказал Вите: "А вот 'КИНО' как тебе?" – "Пол-

ное говно, – сказал Витя. – Не пойдет, это не название, без-
ликое абсолютно, ничего за ним нет, ничего не понятно, ка-
кое кино, что за кино...” Прошел день в перебирании слов,
и потом изможденный Витя сказал: ”Хрен с ним, пусть будет
'КИНО'...”»

«Во всяком случае, ничем не хуже, чем ”Аквариум“», –
решили Цой с Рыбиным, и группа обрела новое имя.

Итак, группа меняет название на «КИНО» и решает сде-
лать запись первого альбома. Для этого Цой и Рыбин заруча-
ются поддержкой самого БГ и участников группы «Аквари-
ум», после чего БГ договаривается со звукорежиссером Ан-
дреем Тропилло, который уже записывал альбомы «Аквари-
ума».

«Продюсером этой записи выступил Борис Гребенщиков,
который, услышав песни акустического дуэта Виктор Цой –
Алексей Рыбин, проникся симпатией к молодой группе и за-
горелся желанием помочь ”КИНО“ записать первый альбом.
Потенциал цоевских песен был виден невооруженным гла-
зом, и БГ решил рискнуть. Закончив работу над ”Треуголь-
ником“, он, договорившись с Тропилло, пригласил ”КИНО“
в Дом юного техника на первые студийные пробы. Тропилло,
не лишенный здорового авантюризма и имевший счастье на-
блюдать выступление Цоя с Рыбиным на какой-то безумной
панк-вечеринке, согласился записывать ”КИНО“ без предва-
рительного прослушивания».

Борис Гребенщиков:

«Я примерил рубашку продюсера в первом альбоме "КИНО". По необходимости пришлось это делать, потому что не было никого другого – Тропилло группа "КИНО" не интересовала, их запись была целиком моей инициативой».

С марта по апрель 1982 года группа «КИНО» с помощью музыкантов группы «Аквариум» в студии Андрея Тропилло записывает свой альбом.

Из интервью Виктора Цоя:

«Пленку мы записали в принципе быстро, но между днями записи были большие паузы. Она не дописана, вышла без наложений, голый костяк, такой "бардовский вариант". Я успел только в три песни наложить бас, и то сам накладывал. Мы бы, конечно, доделали, но вышла какая-то лажа со студией, и мы выпустили пленку. Слушать ее мне было стыдно, но уже сейчас, задним умом, понимаю – Борис был прав, пленка сделала свое дело. На мое удивление, она очень быстро и хорошо разошлась. Последовали приглашения на концерты из разных мест страны, мы начали ездить в Москву, были там много и часто, в Ленинграде с выступлениями было сложнее, играли часто на квартирах. Как правило, играли акустический вариант».

Записывался первый, полуакустический альбом группы на Охте, на улице Панфилова, в доме номер 23, в полулегальной студии ленинградского Дома пионеров и школьников Калининского района, где в то время располагалась студия Андрея Тропилло.

Запись велась на два обычных двухдорожечных «Тембра», на которых постоянно приходилось переключать скорости. В какой-то момент Борис Гребенщиков, находившийся за пультом, забыл переключить скорость – и одна из песен, «Восьмиклассница», случайно оказалась записанной на девятой скорости.

Пустынной улицей вдвоем
С тобой куда-то мы идем,
И я курю, а ты конфеты ешь.
И светят фонари давно,
Ты говоришь: «Пойдем в кино»,
А я тебя зову в кабак, конечно.

У-у, восьмиклассница,
У-у, восьмиклассница.

Кстати, о «Восьмикласснице». Существует огромное количество версий происхождения этой песни.

К примеру, Алексей Рыбин рассказывал, что Цой написал эту песню после очередного романтического свидания с восьмиклассницей, девушкой, с которой познакомился

в училище. Московский писатель Алексей Дидуров утверждал, что Цой написал песню после прочтения его романа в стихах о «голой восьмикласснице». Художник Андрей Медведев предлагал иную версию. По его мнению, Цой написал знаменитую песню после того, как познакомился с одной из многочисленных учениц Андрея у него дома.

Версию Алексея Рыбина можно считать самой достоверной, поскольку «Роман о голой восьмикласснице» был прочитан Цою Дидуровым уже после написания песни, в ходе московских новогодних концертов «Гарина и Гиперболоидов» у Сергея Рыженко в 1982 году, а рассказ Медведева, в «салон» к которому Виктор стал заходить гораздо позже, чем была написана «Восьмиклассница», и вовсе выглядит неправдоподобно.

Что же касается самих «восьмиклассниц», то на эту роль претендовали много разных дам.

В одном из журналов, уже после смерти Виктора Цоя, было напечатано письмо некой девушки из города Ставрополя, по имени Ольга. Она рассказывала, что, будучи ученицей художественного училища в Ленинграде, познакомилась с Виктором Цоем, который тогда играл в ансамбле «Ракурс», выступавшем на танцах. Между ними разгорелись романтические чувства, и Виктор даже написал песню, которую посвятил Ольге.

Дженни Яснец, художник-дизайнер:

«Меня познакомил с Цоем мой покойный ныне друг, художник Андрей Медведев. Мы шли в районе метро "Автово" на день рождения к другому нашему общему другу, Гусеву, было лето, и все утопало в зелени. Мне было 15–16 лет, я выглядела абсолютно как ребенок, была в сарафане и детских сандалиях, покрашенных сиреневой темперой. Мы тогда раскрашивали обувь, что-то придумывали со своей одеждой.

Случайно мы встретили Цоя. Он был весь в черном, очень высокий, худой и очень красивый. Андрюша нас познакомил, и Цой пригласил нас на концерт. Я очень обрадовалась, я уже тогда начала ходить в Рок-клуб, и мне было очень интересно. Как гласит легенда, Цой спросил у Андрея: "Кто это?" Андрей ответил: "Это моя ученица, восьмиклассница". Андрей тогда занимался со мной композицией, так как я училась в Серовском училище и готовилась поступать в Мухинское. Потом Цой и спел в подарок Андрею на день рождения свою песню "Восьмиклассница"... Было, конечно, все не совсем так, как в песне. И старшей сестры у меня не было, и в кино никто не ходил, да и романа так и не случилось, хотя, конечно, вообще он производил впечатление. Высокий, стройный, черный, стильный...»

Приведенный рассказ – это воспоминание Дженни Яснец, девушки, которая в бытность свою студенткой Серовского училища действительно была знакома с Виктором Цоем. К

сожалению, эта история – не более чем романтическая сказка, поскольку к моменту помянутых событий Цою уже исполнилось 23 года и песня «Восьмиклассница» была давно написана. К тому же Дженни Яснец, равно как и Ульяне Цейтлинной и еще огромному количеству претенденток на эту роль, было тогда 16–17 лет, и тусовались они вовсе не с Цоем, а с художниками из компании Андрея Медведева и Георгия Гурьянова.

Георгий Гурьянов:

«Это наши девчонки, да. Наше окружение. Писанные красотки. Улечка, Дженни... Сегодня, жаль, редко видимся... Уля в Москве живет. Дженни в Питере. Хорошие девушки. Что я могу сказать еще? Они реальные очевидцы и свидетели того, что происходило с нами. И я могу это подтвердить».

Федор Лавров:

«Восьмиклассница» у Цоя замечательная песня, тогда она нам всем очень нравилась...

Несмотря на то что историй и легенд много, реальную историю написания песни и имя ее главной героини сегодня вряд ли удастся установить точно. Но я отвлекся...

Итак, музыканты «Аквариума» мужественно помогли молодой группе осуществить задуманное, и сам Андрей Тропилло сыграл чудесное соло на флейте в песне «Дерево».

Правда, сложности создавало то, что Тропилло мешали бесконечные, отнимающие время проверки РОНО, пионеры из секции звукозаписи и всевозможные ученики, которые хотели научиться звукорежиссуре, а также периодические общественные нагрузки и поручения, которые необходимо было выполнять.

Алексей Рыбин:

«Запись альбома продолжалась с переменным успехом. То у Тропилло в студии была какая-нибудь комиссия, то мы не могли отпроситься со своих табельных мест, то еще что-нибудь мешало. Однажды Витьке пришлось даже съездить на овощебазу вместо Тропилло, а Андрей в это время записывал мои гитарные соло, Севину виолончель и Дюшину флейту на песню "Мои друзья". Попав в настоящую студию, мы слушали Тропилло как Бога Отца и Гребенщикова как Бога Сына. Мы выглядели послушными и боязливыми и были счастливы уже оттого, что у нас есть возможность записываться».

Всеволод Гаккель:

«Во всех записях, в которых мне доводилось принимать участие, был момент интриги. В то время для нас это было достаточно привычное времяпрепровождение. Все зависело только от того, насколько виолончель вообще уместна в контексте рок-музыки и насколько мобильно ты мог с лету ухва-

тить характер песни и придумать, что ты можешь в ней сыграть. Мне нравится, как я сыграл в песне "Мои друзья". Но все-таки это была сессия, мы специально для этого приехали в студию. Моя партия в припеве у меня сложилась прямо в студии, что называется, "на коленке", и, как мне кажется, была совершенно адекватной и делала эту песню игривой. И я помню, как мы радовались удачной находке. Но в процессе сведения от нее почти ничего не осталось, то есть надо специально прислушиваться, чтобы расслышать виолончель. Я вообще считаю, что у этой песни был потенциал гимна ничуть не меньшей силы, нежели "Перемен", только она менее пафосная. Недавно Вишня предложил мне сыграть в его кавер-версии на песню "Время есть, а денег нет" на виолончели и гитаре. Конечно же я переслушал этот альбом, и у меня просто волосы встали дыбом от того, насколько все нелепо звучит».

Андрей Тропилло:

«Музыкантом Цой был нулевым, но тексты писал неплохие. Особенно про то, как их однажды загнали от реставрационного ПТУ, где Витя и освоил искусство производства поделок, в совхоз «Детско-сельский» собирать огурцы. Стояла мокрая осень, поле было глинистым, почва вязкая, а собираемые «реставраторами» огурцы были покрыты ровным слоем серой глины. Огурчики сияли на солнце металлическим блеском и вдохновили Цоя написать песню. Может

быть, это был один из самых оригинальных рок-н-рольных текстов той поры...»

Алексей Рыбин:

«Одна из песен была придумана нами непосредственно в студии, в процессе настройки инструментов. Незавершенные наброски текста к композиции "Асфальт" у Цоя уже были. Мы попытались играть какие-то немислимые ходы, а Гребенщиков начал махать руками из аппаратной и кричать: "Это надо писать! Это надо писать! Это новая песня!" Она вся была построена на одном риффе, и в ней не было даже рефрена».

Пару лет «Асфальт» регулярно исполнялся на акустических концертах, поскольку это была самая тяжелая и мощная вещь из всего репертуара «КИНО». Именно с нее весной 82-го года группа начала свое первое выступление в Рок-клубе. В программу входили еще три рок-н-рольных номера: гипнотический бит «Когда-то ты был битником», пивной марш-бросок «Мои друзья» и монотонная «Электричка», ритмически выдержанная в русле композиции Игги Попа Passenger и сыгранная позднее в жестком хард-роковом ключе на альбоме «Последний герой». «Электричка везет меня туда, куда я не хочу», – пел Цой низким голосом под энергичный аккомпанемент двух акустических гитар. Но реноме «КИНО» составили не вышеупомянутый рок-н-рольный блок и

не ироничная псевдоиндийская стилизация «Ситар играл», а по-мальчишески угловатые и романтические «Восьмиклассница», «Бездельники», «Время есть, а денег нет», а также абсурдистский хит «Алюминиевые огурцы», написанный Цо-ем по следам осенних сельскохозяйственных работ.

В итоге вся студийная запись четырнадцати песен группы «КИНО» заняла полтора месяца. Завершив работу, молодые музыканты, горящие желанием сделать что-то принципиально новое в духе «новых романтиков», занялись оформлением своего первого альбома. Поскольку время записи (вместе с песней «Асфальт», впоследствии выпавшей) составляло ровно сорок пять минут, то именно это число и увековечилось в названии – «Сорок пять» («45»).

Виктор Цой:

«Первый альбом, который предшествовал нашему концертному выступлению, назывался "45". Назывался он так потому, что по времени звучания он длился 45 минут в первоначальной версии, с песней "Асфальт". Потом мне показалось, что это неудачная песня, мы ее убрали оттуда, а название сохранили».

Вечер наступает медленнее, чем всегда,
Утром ночь затухает, как звезда.
Я начинаю день и кончаю ночь.

24 круга прочь, 24 круга прочь,

Я – асфальт...

Изначально Виктор с Алексеем планировали сделать несколько фотографий в «новоромантическом виде» (с пистолетами в руках и в рубашках с жабо), чтобы использовать их в оформлении обложки альбома, но впоследствии от этой идеи отказались. Решено было взять за основу принцип оформления альбомов «Аквариума», обложки к которым делал Андрей «Вилли» Усов.

Ученик Андрея Тропилло, Алексей Вишня, к тому времени уже подружившийся с «КИНО», сделал несколько вполне приемлемых фотографий, и с их помощью ребята качественно оформили обратную сторону обложки, красиво написав названия песен и выходные данные. И вот альбом «родился»...

Виктор Цой:

«Альбом был акустическим, но даже на таком уровне записи это было очень сложно... Он стал довольно популярным в узких кругах любителей рок-музыки, хотя это и не рекламировалось, и не снималось на телевидении».

В интервью журналу «Рокси» Цой называет песни «45» «бардовским вариантом» и признается, что был против выпуска этого альбома, поскольку запись, с его точки зрения, получилась сырой.

Всеволод Гаккель:

«Мне конечно же нравились песни Цоя, но я не был его поклонником и не мог быть. Мы все принадлежали к одному кругу, все были друг с другом так или иначе знакомы, как это бывает в любом сообществе, объединенном одними интересами. Это было подвижное пространство, мы были просто приятелями, друзьями, некоторые даже дружили семьями. Группа "КИНО" была всего лишь одной из групп этого круга. То, что Цой (я так и не могу называть его Виктором, а "Витька" сейчас звучит как-то неправильно) стал известен более других, а ранняя смерть и вовсе возвела его в разряд "небожителей", – это уже совсем другая история. Когда он только появился в нашей компании, мы восприняли это нормально, обычно: вот появился еще один парень. Боб раньше других разглядел в Цое что-то особенное, увидел какой-то материал, из которого можно что-то слепить, и взял Цоя под свое крыло. Однако первый альбом, "45", записанный Андреем Тропилло под неусыпным оком Боба, едва не угробил эту группу на корню. Безусловно, его стали слушать, потому что в самих песнях было то, что заставляло их слушать. Но конечный "продукт" совершенно неудобоварим... В это же время в этой же студии, учась друг на друге, писались и другие группы. Кто-то преуспел в студийной работе больше, кто-то меньше, но первый альбом "КИНО" – это что-то за гранью добра и зла. Впрочем, к старости мы становимся сен-

timentальными, проходит время, и какие-то вещи кажутся вполне допустимыми. Но альбом "45" – это брак, это нельзя было выпускать. Услышав такой результат, надо было все переписывать. Ужасная драм-машина, лязгающая гитара. Это невозможно, Цой так не играл. Я слышал его очень близко, я помню, как звучал этот же самый голос, и когда Цой играл один, и когда они с Рыбой играли в натуральных условиях. То есть нужно было просто правильно расставить микрофоны и включить уши, сделать так, чтобы два инструмента и голос звучали адекватно, чтобы между ними был нормальный баланс. Если бы я тогда умел это делать, я мог бы на этот процесс повлиять. Но мне казалось, что мои друзья понимают в этом лучше меня. При всей моей любви ко всем этим людям, я считаю, что это была катастрофа. Бобу и Тропилло не стоило браться за это дело, надо было оставить этих двух мальчиков играть на гитарах и петь свои песенки про алюминиевые огурцы, восьмиклассницу и так далее. В этом была проблема. Мы все хотели играть в какую-то чужую игру. Мне не избавиться от своего ощущения "Аквариума" – ведь это дни, месяцы, годы музицирования: помню, как мы звучали в реальности, когда играли дома. И звучали мы на порядок лучше, чем это было записано. Но многим людям хотелось звучать современно, ведь с течением времени музыка менялась, менялось ее звучание и ее ощущение. Хотелось быть "в тренде" и соответствовать тенденциям того времени, так виделось движение вперед. Но при этом чуть ли не по-

ловина записей, сделанных в то время, – брак. Ни один звукозаписывающий лейбл, будь они в то время, не согласился бы выпустить такой альбом как продукт. Не было института продюсеров, которые могли бы беспристрастно оценить результат. И была очень завышенная самооценка. И в эпоху магнитоальбома можно было самим ”выпускать“ все что угодно. Хотя Тропилло пытался что-то перенять у знакомых звукорежиссеров фирмы ”Мелодия“ и брал у них на время какие-то микрофоны и студийные магнитофоны, обращался он со всем этим по наитию. Иногда получались неплохие результаты, но то, что было проделано с группой ”КИНО“ на их первом альбоме при участии их старших товарищей из группы ”Аквариум“, – это ужасно».

Скептически оценивал альбом и Рыбин – правда, спустя много лет:

«Единственное, что в ”45“ есть хорошего, – это трогательная непосредственность песен. Сами же песни представлены на альбоме очень наивно, а аранжировки отсутствуют как класс. Не скажу точно, какое значение имеют эти песни для меня, но вот в музыкальном плане мне очень интересен ”Бездельник № 2“, ”Мои друзья“ очень хорошая песня... Собственно, там все хорошие, от души написаны...»

«Я думаю, что Цюю хотелось, вероятно, не совсем того, что получилось, – вспоминал Гребенщиков. – Скорее всего, ему хотелось рок-н-рольного звука – звука ”КИНО“, кото-

рый возник на их альбомах впоследствии. Но из-за нехватки людей, из-за моего неумения сделать то, чего они хотят, и их неумения объяснить, чего именно они хотят, получилось ”45”».

Художник **Сергей Бугаев**, приятель Виктора Цоя, вспоминал:

«Гребенщиков так внимательно и по-дружески, по-отцовски, по-братски воспринял появление Цоя. Я тогда жил у Гребенщикова, на улице Софьи Перовской. Цой принес ему первую кассету с ”45“ – пленку – тогда еще кассет не было фактически...»

Показательно, что ленинградская рок-тусовка альбом поначалу вообще не заметила, а московский подпольный журнал «Ухо» назвал песни «КИНО» «расслабленным бряцаньем по струнам», в котором «серной кислотой вытравлены всякий смысл и содержание». В тот момент сложно было поверить, что спустя буквально несколько лет большая часть композиций из «45» будет звучать чуть ли не в каждом дворе под приблизительный аккомпанемент ненастроенных шестиструнных гитар...

Илья Смирнов:

«Первую реакцию на концерты новоявленной группы ”КИНО“ запечатлел журнал ”Ухо“, там появились две рецен-

зии – в номере два ругательная, в номере три за тот же 1982 год положительная... Ругали за то, что от этой музыки хочется спать. Во-первых, из нее “серной кислотой вытравлен всякий смысл”, всякие там “вторые планы”, “мысли” и прочая туфта. ”КИНО“ тогда представляло собой акустический дуэт Виктор Цой – Алексей Рыбин, плюс необязательный ударник с бонгами, иногда еще дискотечная колонка, через которую подключали гитару. В роли рекламного агента обычно выступал Гребенщиков: ”Пригласите обязательно ’КИНО‘, не пожалеете...” Многие потом жалели. Понять почему, можно с помощью самиздатовского журнала ”Ухо“. Там была напечатана (на папиросной бумаге, 10 закладок под копирку) статья ”Романтики в лайковых перчатках“. КИНОшникам поставили в вину: первое – внешний вид, ”как они выходят выступать: в кружевах, жилетках, бабочках, только что не во фраках“. А это ведь напяливалось не просто так, а в подражание последнему англосаксонскому рок-поветрию, ”неоромантикам“. Не то чтобы рецензенты ”Уха“ были против моды, все прекрасно понимали, что вся рок-музыка – ”депеша эта с Запада“ и распространилась у нас именно как мода, но преувеличенное внимание к внешней атрибутике, ”модничество“, оно не приветствовалось. Кроме того, подражать панкам в наших условиях можно было легко и непринужденно, смотри старую песню Володи Сигачева из ”ДДТ“ ”Мой дедушка панк“, а неоромантики советской сборки выглядели как Эллочка Людоедка в мексиканском тушкане. И вторая

претензия журнала "Ухо" к Цою и Рыбе касалась уже содержания песен: то, что они "нанизывают цепочку впечатлений и простейших реакций трехлетнего ребенка. Слушаешь, слушаешь куплет за куплетом, да, холодно, да, "ношу шапку и шерстяные носки"... Летом, конечно, лучше. Ну и что дальше? А ничего. Просто ребята рассказали нам под музыку, что зимой холодно, а летом жарко. Мерси, но чем это лучше... эстрадных поделок про радугу над полем и весну в соловьях?.. Масса повторов". Информативная ценность минимальна, как и во всех песнях "КИНО", зато музыка вколачивает в сознание каждое слово... Простая электричка превращается в некое почти мистическое средство передвижения, наподобие чичиковской тройки у Гоголя... Творчество группы "КИНО" изначально наивное, бесхитростное и искреннее (как Рыбин писал про Цоя: "За 20 минут сочинил ... песню 'Восьмиклассница', вернее, не сочинил, а зарифмовал все то, что с ним происходило на самом деле, от 'конфеты ешь', до 'по географии трояк', в дальнейшем это самовыражение было вписано в определенную культурную среду". Математик Гребенщиков. Физик Андрей Тропилло, который хоть и назвал Цоя пэтэушником, но записывал их музыку на своей самодельной студии, и не просто записывал, а по ходу обучал ремеслу. Пианист-парадоксалист Сергей Курёхин. И многие, многие другие. Что такое, например, альбом "КИНО" "45"? Два человека из "КИНО" и четыре из "Аквариума". Для Гребенщикова случайная встреча с Рыбой и Цоем в электричке

стала как раз долгожданным воплощением его мечты: ”Где та молодая шпана?”»

Запись альбома тяжело далась как Виктору, так и Алексею. Собственно, это касалось и звукорежиссера, и участников группы «Аквариум». Виктор, в то время учившийся в художественном училище, отлынивал от занятий, выкраивая время на запись в студии, а Алексей, трудившийся монтажником сцены ТЮЗа, умудрялся получать мифические больничные, чтобы хоть как-то оправдать свое отсутствие на рабочем месте. Родные, конечно, ни о чем не догадывались – ну, бренчат ребята на гитарах, и пусть себе бренчат. Мало кто понимал, что за всем этим стоит в будущем...

Валентина Васильевна Цой:

«Работу над альбомом ”45“ Витя засекретил: ходил тайный, ни о чем не рассказывал. Как-то вечером принес мне плеер: ”Мама, послушай!“ Мне понравилось. ”Во всяком случае, не хуже, чем у других!“ – решила я. Дала ему десять рублей, чтобы как-то стимулировать. Думала, он сладкого себе купит, а он вернулся с бутылкой водки. Ну, думаю, обычный парень вырос».

Из интервью Виктора Цоя:

«А из старых альбомов мне больше всего нравится первый альбом, ”45“, потому что... Ну, я не знаю почему, но нравит-

ся. Другое дело, что я из него немножко как бы вырос уже».

По мнению Андрея Тропилло, «45», в сущности, был сольным альбомом Цоя, а роль Алексея Рыбина свелась к тому, что «он пару раз на гитаре сыграл, а под конец записи вообще куда-то исчез». Надо отметить, что сам Алексей Рыбин не раз говорил, что работа в группе тогда действительно разделилась: Цой отвечал за творческую часть, а он – за административную: выступления, оплата, поездки, билеты. Но вот что касалось именно записи альбома, то тут все было, что называется, поровну.

Алексей Рыбин:

«Да, Цой совершенно отбил у меня охоту сочинять песни. Я был просто подавлен обилием и качеством материала, который он постоянно мне показывал. Он писал постоянно, и его вещи мне нравились. Я видел, что Витя пишет песни лучше, чем я. Со своей стороны, я делал то, что лучше получалось у меня, я хорошо аранжировал. Но что касается слов Тропилло насчет того, что "45" – сольник Цоя, – это следствие его маразма. Мы вообще с Цоем в ту пору не расставались. И "45" мы делали от первой до последней ноты вместе. Это знают и БГ, и Севка, и Фан, и все, кто там бывал. Делали все вместе, вплоть до обложки – у меня дома, на Космонавтов...»

Не умея толком играть на инструментах, музыканты «КИНО» записали песни, которые с удивительной точностью передавали атмосферу городской романтики того времени с ее вечным безденежьем, бездельем и океаном нереализованных планов и ночных мечтаний. «Сигареты», «ночь», «телефон», «солнечные дни» – как бы там ни было, а «45» получился одним из самых светлых и лиричных альбомов за всю историю русского рока.

Андрей Яхимович, музыкант группы «Цемент»:

«Это был просто новый виток подворотной песни. ”ПТУ – рок“. Ребят 80-х уже не устраивали минорные песенки про ”готов целовать песок“ и ”на могиле повесился сам прокурор“, и, естественно, должен был появиться Цой. И он появился».

Алексей Рыбин:

«Альбом ”45” все хаяли. Говорили, что это самодеятельность ниже плинтуса. Нас поддерживали Борис Гребенщиков и вся его группа, Майк Науменко привечал, остальные травили».

Андрей Тропилло:

«Курёхин предсказывал большое будущее группе ”КИНО“, хотя предпосылок к этому в начале творческого пути у Цоя не было. Еще в школе Цоя дразнили чукчей, гопни-

ки постоянно на улице приставали. Наверное, поэтому Витя потом страстно увлекался фильмами с Брюсом Ли. Он всегда хотел быть героем и считал, что одной крови с актером. Мог смотреть их по 10, 20 раз, постоянно показывал сцены оттуда. Витя выглядел скромным, молчаливым пареньком с восточной внешностью, был отстраненным, потому что рокеры в восьмидесятые его презирали».

Тот же Макаревич, с которым я общался, часто говорил: "Тебе не стыдно? Зачем ты с ним возишься! Ладно, Боря – гений, а Цой-то этот тебе для чего?!" В Рок-клубе на Рубинштейна любить "КИНО" считалось очень плохим тоном».

Запись альбома была закончена. Ее окончание и сам факт записи альбома дал «КИНО» определенный статус. Группа заявила о себе и была услышана. Как сказал в одном из интервью **Виктор Цой**:

«У нас появилась некоторая репутация, даже авторитет, мы уже сами могли выходить на какие-то студии».

Андрей Усов, фотограф:

«Я знал Витю много лет... Познакомились мы в 1982 году. Он был немного нескладный, совершенно неординарная внешность. Как чужестранец! Помню, Витя попросил – "Вилли, сделай нам оформление альбома, как ты Боре Гребенщикову делаешь" – "А дай мне послушать кассетку" – "А я тебе спую". И он мне все спел, весь первый альбом "45",

прямо на поляне перед ”Юбилейным“. У меня было какое-то ощущение прорыва, счастья! После я ходил ночью по Петропавловке с гитарой и пел проходим песни группы ”КИНО“, которых еще никто не слышал».

Олег Котельников:

«С Цоем мы познакомились у Гены Зайцева, когда они с ”Рыбой“ принесли ему первый альбом слушать. Заслуг перед рок-н-роллом в то время у них еще не было, и Гена, член совета Рок-клуба, весьма скептически к ним отнесся. В тот день он был под впечатлением от привезенного из Уфы нового альбома Шевчука ”Не стреляй“, а тут пришли два красавца и поставили ему про дерево. Разумеется, Гена не мог не заметить контраста: с одной стороны, красивые тексты, нормальное пение, а с другой – предсмертный рев загнанного марала. Разумеется, одному нравилось больше ”ДДТ“, поэтому впоследствии он стал директором Шевчука. Цоя сразу шибко полюбил Тимур Новиков, и я часто стал встречать Виктора у Тимура – его приводил Гурьянов».

Артем Липатов, журналист:

«Кто же мне принес тогда, в 1983-м, кассету с альбомом ”45“? Не помню. Конечно, там не было фирменного упругого баса, каспарьяновских гитаризмов и гурьяновского лаконичного ритма. Это была такая тинейджерская акустика, смешная, веселая, грустная. ”Я посадил дерево“, кто помнит.

А еще лихая: ”Мои друзья всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков“. Это был уже панк – потому что настоящий панк – это не когда ”я бубу ее каждый день“ (так Майк Науменко однажды весело простебал Свинью, Андрея Панова), а когда вот так, формально строго, а по сути – наотмашь. Наотмашь Виктор Робертович умел».

Начало было положено. И, надо сказать, довольно успешно.

Разрыв

Еще до записи альбома, во время одного из «квартирников» на Петроградской стороне, Виктор и Алексей знакомятся с Владиком Шебашевым, который становится первым официальным фанатом группы «КИНО».

Примерно в это же время, в начале марта 1982 года, но уже в ходе записи «45», на одной из вечеринок Цой знакомится и с молодой художницей Марьяной, в скором времени ставшей Виктору не только подружкой, но и полноценной участницей группы «КИНО» (в качестве гримера и костюмера), а впоследствии женой и матерью единственного сына, Александра.

Игорь Петровский, давний приятель семьи Виктора Цоя, вспоминал:

С Витей мы познакомились в начале 80-х и дружили до конца 1985 года, потом это как-то прекратилось. С Марьяной я познакомился во второй половине (в конце) 70-х, отчасти благодаря нашему знакомству они с Цоем и встречались...

Как известно, Цой умел нравиться женщинам, и об этом вспоминают многие его знакомые и приятели.

Павел Крусанов:

«Разумеется, регулярно появлялся в нашей квартире и Цой. Благо от Днепропетровской улицы было рукой подать до полюбившегося ему женского общежития ПЖДП (Прижелезнодорожного Почтамта) Московского вокзала, располагавшегося (речь об общежитии) в Перцовом доме на Лиговке. Да, этого не отнять: он нравился женщинам – он был обаятелен, хорошо сложен, молчаливость добавляла его решенному в черных тонах образу известную толику романтической загадочности, ну а когда он брал в руки гитару и начинал петь, его и вовсе окутывало облако какого-то запретного очарования, так что девицы теряли над собой контроль и глаза их наливались томным матовым блеском. Не устояла даже милейшая и добрейшая майковская Наташка – дело едва не дошло до адюльтера, отчего Майк некоторое время на Цоя ревниво дулся. Собственно, здесь же, на Днепропетровской, Цой увел у Панкера Марьяну. Вернее, она

сама увелась: отдадим должное слабому полу – практически невозможно соблазнить деву без ее встречного желания быть соблазненной».

В апреле 1982 года руководство Рок-клуба предложило «КИНО» выступить на концерте молодых групп. С помощью музыкантов группы «Аквариум» они исполнили семь песен.

Всеволод Гаккель:

«Я помню один из первых концертов группы ”КИНО“ в Рок-клубе с Рыбой на костылях при участии Боба с чудовищной драм-машинкой. Это был кошмар, полный хаос, ничего не слышно. Впрочем, в этой дурости что-то было. Все так или иначе относились к этому как к игре, и никто не судил друг друга. Но я считаю, что если бы эти двое ребят вышли бы просто с двумя гитарами, это было бы во сто крат лучше. Но в то время они находились ”в лапах“ Боба...»

Александр Андреев:

«Концерт этот состоялся 20 апреля 1982 года и представлял публике три молодые, только что принятые в Рок-клуб группы. Совет Рок-клуба решил усилить программу участием заслуженной группы ”Реквием“, ветеранов битловских праздников и пригородных танцплощадок, игравших, несмотря на мрачное название, жизнерадостный, но несколько архаичный для 1982 года бит. Сегодня это реше-

ние выглядит забавным, учитывая, что тремя дебютантами были ”КИНО“, ”Странные игры“ и ”Выход“! Событие это, вне всяких сомнений, стало историческим. Его не единожды описывали в подробностях и участники, и очевидцы, поэтому не буду повторяться. Главное, он стал знаком прихода в Рок-клуб и в питерский рок вообще эры новой волны: положенный на ритмы Ска поэтический абсурд ”Странных игр“, саркастический философский реггей ”Выхода“ и уличная романтика ”КИНО“ стали краеугольными камнями в основании новой художественной парадигмы, позволившей питерским музыкантам сократить разрыв между ними и общемировой музыкальной культурой, в одночасье оказавшись если не впереди планеты всей, то уж точно впереди всей Страны Советов».

Алексей Рыбин:

«Однажды Майк, вернувшийся из Москвы, между стаканами сухого сообщил, что ”познакомился с настоящим мафиози“. Собутыльники, в числе которых находились мы с Цоем, поохали, поахали, позавидовали и продолжили выпивать. Никто из нас не знал, что вскоре с этим ”мафиози“ столкнемся и мы...»

Этим «мафиози» был Александр Липницкий – человек, по словам Алексея Рыбина, «сделавший для рок-групп из Ленинграда столько, что это сопоставимо с тем, что сделали

для себя сами эти группы».

Летом молодые музыканты «КИНО» провели несколько концертов в Москве, в частности концерт у Александра Липницкого, на память о котором осталась удачно сделанная запись и воспоминания очевидцев...

Александр Липницкий, музыкант группы «Звуки Му»: «Жаркие дни лета 1982 года. "КИНО" уже гремит – альбом "45" успешно конкурирует в Москве с самим "Аквариумом". 25 июля я устраиваю группе домашний концерт, пригласив московских художников и музыкантов. Хорошо накрытый стол стимулирует дуэт наших гитаристов, и песня "Лето", на мой вкус, никогда не была так сильно спета, как в тот день».

В городе плюс двадцать пять – лето!
Электрички набиты битком,
Все едут к реке.
День словно два, ночь словно час – лето!
Солнце в кружке пивной,
Солнце в грани стакана в руке.

Девяносто два дня – лето!
Теплый портвейн,
Из бумажных стаканов вода.
Девяносто два дня – лето!
Летний дождь наливает

В бутылку двора ночь.

Цой, Марьяна и Алексей, как и раньше, много времени проводят у Майка Науменко и, можно сказать, фактически становятся членами его семьи. Между женой Майка, Натальей, и Виктором в недалеком прошлом были романтические отношения, которые, впрочем, если судить по воспоминаниям самой Натальи, отнюдь не зашли далеко и отнюдь не повлияли на их дальнейшую дружбу.

Алексей Вишня:

«Когда мы познакомились с Цоем, он уже жил с Марьяной. Я запомнил ее высокой, крупной женщиной... До встречи с Витей Марьяна считалась подругой питерского рок-продюсера Игоря "Панкера" Гудкова, прославившегося в 1983 году записью совместного альбома LV лидера группы "Зоопарк" Майка Науменко и Бориса Гребенщикова. Цой же, по словам друзей-приятелей, был безумно влюблен в жену Майка Наташу. Предполагаю, что и она отвечала взаимностью. Но из семьи не ушла и любовь в себе задавила. Наташа оказалась человеком долга: у них с Майком рос четырехлетний сын Женя. Цой страдал. И Марьяна его утешила, став для Виктора незаменимой...»

Наталья Россовская:

«Ничего серьезного не было. Хотя я сама не знаю. Навер-

ное, это все-таки была любовь с моей стороны. Совсем детская... Целовались, как школьники».

Я не стал приводить полностью рассказ Наташи Науменко о ее дружбе и романе с Цоем, хоть Виктор и выглядит в нем чистым и романтическим героем, то есть таким, каким он был в первый, «ленинградский» период. Но, несомненно, найдутся читатели, которым милее Цой такой, каким он показан в рассказе Натальи.

Инна Николаевна Голубева, мама Марьяны Цой:

«Да, они пропадали вечно в городе, у Майка. Но то, что рассказала жена Майка, Наташа, Житинскому конечно же не совсем соответствует действительности...»

К концу лета Цой и Марьяна с друзьями рванули в Крым, в поселок Малореченское, где наслаждались «диким» отдыхом. Сохранилось несколько фотографий, сделанных их общим другом, Владимиром «Дедом» Новиковым, которого они случайно встретили в Малореченском.

Алексей Рыбин:

Лето восемьдесят второго пролетело незаметно – я еще два раза съездил в Москву, Витька с Марьяшей – на юг, мы славно отдохнули и в начале осени снова встретились у меня на Космонавтов.

14 июля Цой получил диплом резчика по дереву и по возвращении из Крыма наконец-то оказался распределён на работу в Пушкин (в НПО «Реставратор») с обязательной двухгодичной отработкой по месту распределения. И теперь ему приходилось ездить к 8 утра в пригород и торчать под потолком анфилады Екатерининского дворца.

К осени 1982 года Алексею Рыбину, выполнявшему функции директора группы, удалось создать некое подобие концертного графика, правда, большинство выступлений проходило в столице. В основном это были квартирные сейшены, но изредка случались и более солидные мероприятия, например совместный с группой «Центр» концерт в МИФИ. Играли Цой с Рыбиным вдвоем, лишь пару раз компанию им составил барабанщик «Аквариума» Петр Трощенко.

Илья Смирнов:

«К примеру, концерт в жэковском красном уголке... Маленький зал в полуподвале человек на 70 при конторе, которая сейчас называется "управляющая компания", а тогда "жилищно-эксплуатационная", пенсионеры там собирались по праздникам, ну и такие, как мы, иногда. Так вот. Поют Рыба и Цой и, по-моему, Петр Трощенко на ударных. Из заднего ряда вдруг раздаются джазовые рулады, явно издевательские по отношению к выступающим. Я говорю: "Кто привел

сюда Пономареву и еще напоил?“ А это оказалась Олеся Троянская, героиня московского хиппизма, в окружении всей своей бригады. Исключительно безобидной. Один Миша Реалист чего стоил. Утюг на проволоке в качестве кистеня. Мы их убедили не мешать. Зато по окончании концерта они полезли на сцену: что это вы привезли за эстраду ленинградскую? Вот вам сейчас Олеся споет по-настоящему ”Карло-марксовый портрет“...»

К сожалению, запись московского концерта в красном уголке ЖЭКа пока обнаружить не удалось, сохранились лишь фотографии Сергея Алексашенко, однако доступна запись другого квартирного концерта – ленинградского выступления «КИНО» в общеаге ЛГУ.

Сергей Котегов, устроитель квартирных концертов:

«История несколько шире, чем история одного концерта... Дело было в 1982 году, это был концерт в общеаге матмеха ЛГУ, в небольшой комнате, – разновидность квартирника. Общеага матмеха ЛГУ – да, это Петергоф, точнее Старый Петергоф, а еще точнее – Темяшкино. Там на третьем этаже был выделен блок, в котором были снесены перегородки, для проведения всяческих мероприятий, типа вечеров встреч групп, литературных вечеров и т. д. Поскольку так или иначе у меня был доступ к этой комнате, то я смог провести там несколько концертов.

Очень кратко. Один чел в нашей общаге так или иначе вышел на БГ, а потом вывел на БГ меня. Где-то в это же время как-то сама по себе пришла идея устроить концерт БГ в общаге. И как-то она сама собой удалась. Концерт был довольно странным... Но сама идея настолько всем понравилась, что следующим был почти тут же приглашен Майк. Потом был их совместный концерт, а потом Борис как-то передал послушать первый альбом "КИНО". Тот вариант несколько отличался от "канонического", но, к сожалению, лента у меня не сохранилась – "взяли послушать". Мне "киношники" очень понравились, и Борис предложил позвать их на концерт тоже, что и случилось.

Да, именно БГ познакомил нас с "КИНО". Он тогда как раз закончил продюсировать их первый альбом и "нес свет их творчества в массы", а по-новому – промоутил там, где мог. После "заумной" лирики БГ и городских баллад Майка "КИНО" выглядели веселыми детьми, которые дорвались до инструментов. И это было в кайф. Девушки тащились больше.

"КИНО" позвали петь в общагу. Все получилось просто замечательно – 28 октября 1982 года состоялся очень веселый и бодрый концерт. Запись концерта была плохая, лента бракованная, а потому сохранена только часть. Забавный момент – когда я передавал Вите деньги, собранные с народа, он сказал что-то типа: "Ого, за это еще и деньги платят – офигеть".

Запись концерта велась, но при записи ”КИНО“ что-то намудрили – писал не я, о чем и жалею. Запись была плохая, с перегрузками и разными другими проблемностями. Записано было все более или менее, но записано на бракованную ленту. Из-за этого бóльшая часть концерта была с провалами. В общем, сохранена была только та часть, которая не сильно кривая. Одним из приколов тех концертов было то, что Борис, а потом и ”КИНО“ пели ”Пригородный блюз“ Майка.

Правда, ”КИНО“ у нас в общаге очень немного играло, в основном БГ и еще Майк – с ними я общался довольно много. А с Витей как-то не особенно наладилось. Почему – не помню. Сохранился ”билет на концерт“, после которого Витя и Леша мне его подписали...

Кстати, на концерт Цой прибыл с Марианной, она тогда уже сильно ”берегла свой Хой“. И они сразу после выступления уехали, и даже не на последней электричке, а Рыба остался в попытке познакомиться с какой-нибудь нашей девицей, но сильно промахнулся...

После этого был еще совместный концерт БГ и Майка, где они весело препираются. И еще один концерт БГ. После этого была идея пригласить весь акустический ”Аквариум“, но когда Миша Файнштейн озвучил мне цену, я понял, что мне столько не собрать, хоть тресни. И как-то на этом деле все прекратилось – мне нужно было писать диплом, была куча других забот. А потом пошли полулегальные концерты в разных ДК, и нужда в таких вот квартирниках, как в общаге,

отпала...»

В конце 1982 года группа «КИНО» решает записать новый накопившийся материал.

Алексей Рыбин:

«Витка продолжал писать, и материала для второго альбома у нас уже было более чем достаточно. Теперь, когда мы разделили обязанности и всеми административными вопросами стал заниматься я один, мой товарищ начал насаждать на меня и все чаще и чаще требовал, чтобы я поскорее подыскал студию для новой записи».

Поскольку Андрей Тропилло был очень занят работой с группой «Аквариум» и не имел возможности уделить время «КИНО», Гребенщиков предложил Рыбину самостоятельно найти студию для записи и даже снабдил его многочисленными телефонами знакомых звукорежиссеров. В конце концов, после долгих поисков, Алексею повезло, и он нашел студию звукорежиссера Андрея Кускова в МДТ. На барабанах группе помогал Валерий Кирилов, впоследствии ставший барабанщиком «Зоопарка».

По воспоминаниям Алексея Рыбина, запись всех песен альбома прошла быстро и складно: практически за несколько часов вполне прилично записали болванки четырех песен. Кирилов, который до этого не был знаком ни с музы-

кой «КИНО», ни с Рыбиным и Цоем, оказался опытным барабанщиком, поэтому легко попал в нужный ритм. Однако несмотря на такую легкость и гладкость, судьба записи оказалась трагикомичной, ее не довели до конца по двум причинам: Цою вдруг разонравились студия, звук барабанов и вообще сама идея. После записи Виктор забрал ленту с собой, сказав, что на этом следует остановиться, и спрятал ее «в шкаф».

Я сижу в кровати, только что из ванной, с мокрой головой.

На улице мороз, и рано, как ни странно, я пришел домой.

За стенкой телевизор орет,

Как быстро пролетел этот год,

Он так похож на прошлый год,

Я в прошлом точно так же

Сидел один, один, один...

В поисках сюжета для новой песни...

Алексей Рыбин:

«К сожалению, эту запись мы так и не довели до конца – Витьке вдруг разонравилась эта студия, звук записанных барабанов, хотя, на мой взгляд, он был вполне достойным. Мы собрались в Малом драматическом еще раз, записали голос, и Витька, забрав ленту себе, сказал, что пока на этом остано-

вимся. У него не было настроения писать дальше. Отношения наши продолжали оставаться превосходными, он сказал, что просто устал и ему нужно сосредоточиться, чтобы записать полноценный альбом. А пара песен из записи в Малом драматическом потом так никуда и не вошла».

Валерий Кирилов, музыкант группы «Зоопарк»:

«Моя учеба шла по накатанным рельсам. Сокурсники оказались веселыми парнями, я завел массу интересных знакомств и озаботился изготовлением барабанов. Бабушка прислала мне из Литвы на покупку инструментов огромную сумму – 1500 рублей. Я купил подержанное пианино ”Красный Октябрь“, а барабаны решил изготовить на заказ. Мастер, который их делал, жил за городом и был подвержен запоям; я же по простоте душевной имел неосторожность заплатить ему всю сумму заранее. И вот теперь мне приходилось еженедельно мотаться на электричке к нему в Рыбацкое, так как метро там еще не было. Наконец барабаны были готовы. Красивые, прозрачные (из оргстекла), они и звучали здорово. Кстати, именно на них я писал музыку с Рыбой и Цоем. Почитать о той записи можно в Лешкиной книге ”«Кино» с самого начала“, а качество звука оценить на альбоме ”Неизвестные песни Виктора Цоя“. Работы не было, и пришлось бы мне собираться преподавать школьникам ксилофон и малый барабан, как тут произошло странное событие, которому я не придал тогда никакого значения. Мне

позвонил незнакомец, назвался Рыбой и попросил записать с ним и его приятелем Витей несколько песен на внезапно подвернувшейся студии МДТ.

Кто это такие, я не имел ни малейшего представления, но мне было достаточно того, что они сказали гордо:

– Мы играем биг-бит!

Я согласился, и в назначенный час Леша с Витькой подъехали ко мне. Мы быстро спустили сложенную заранее установку вниз, затолкали ее в машину, с большим трудом влезли сами и покатали на улицу Рубинштейна, в театр. Уже в машине я уточнил некоторые детали и еще раз спросил:

– Так что играете-то?

– Биг-бит! – с заднего сиденья ответил придавленный бочкой Цой. На студии я быстро расставил инструменты, и, пока инженер обвешивал их микрофонами, Цой наиграл мне приготовленные к записи песни. Я показал ему по несколько ритмических рисунков к каждой из них; он выбрал понравившиеся, разобрались с бреками, вступлениями и формами, а потом быстро записали болванки. Вернее, я не знаю, как назвать то, что мы записали. Рыба играл подобие первой гитары, Цой играл вторую, баса не было, а голос писался сразу – то есть все тогдашние законы звукозаписи были нарушены. Партия бас-гитары была наложена Шурой Храбуновым (“300“, первая гитара) много позже, почти десять лет спустя! А тогда мы взяли голым энтузиазмом и наглой молодостью. При записи ”Последнего героя“ я был совершенно за-

ворожен ритмом этой песни, поэтому она получилась сразу же. Примечательна история моей барабанной партии песни "Весна". Майк написал "Лето", песню для Цоя, и позже, когда я уже играл в "ЗОО", Майк неизменно требовал, чтобы в "Лете" на всех концертах мною игралась та самая партия из цоевской "Весны". Ложилось замечательно, поэтому я не возражал, хотя каждый раз в душе хихикал при ее исполнении.

В студии Витя работал быстро и уверенно – если он и волновался немного, внешне было незаметно, а в "Поисках Сюжета" некоторое волнение добавило остроты и небольшой оттенок нервозности. К сожалению, у меня не сохранилась вторая половина этой песни (ее случайно отгрызла кошка Киса), и на той записи она внезапно обрывается. Как и Витькина жизнь... Для них это была первая запись в профессиональной студии, и я рад тому, что был с ними тогда. По окончании смены мы втроем сидели в аппаратной и слушали материал. На магнитофоне мигала лампочка секундного метража, и Цой внимательно смотрел на нее... Пользуясь случаем, я попросил инженера сделать мне копию всей записи. Ту самую. В принципе, Леша Рыбин довольно точно описал эту запись в книге "«Кино» с самого начала". Действительно: ну позвонили, ну приехали, ну записали... Вот только Рыба забыл написать о том, что, помимо оператора, за тем действием наблюдала фигуристка Марина Кожевникова, которая приехала в студию вместе с нами. После записи я остался на ули-

це с Мариной и кучей тяжелых барабанов. Посреди ночи, без всяких шансов поймать такси. Рыба с Цоем моментально куда-то испарились после выхода из студии...

Много лет спустя Майк мне рассказал: они заявили к нему среди ночи хвастаться своей первой студийной записью и заставили его внимательно прослушать.

– Помню, я сонный ее слушал. Я сначала не хотел им совсем дверь открывать, но Наталья настояла. Спросил, кто барабанил, а они сказали, что Женя Иванов из ”Пепла“ им посоветовал какого-то ”кренделя“, я не помню, чтобы тебя до того раза слышал. Но похвалил, Кирилыч! Запись их похвалил!

В то время Майк опекал Цоя, и тот отвечал ему благодарностью, многие это помнят...

Позже Майк познакомил Виктора с БГ, сдал, так сказать, с рук на руки. Через несколько лет Майк, Цой, Буйнов и я стояли в служебном буфете ”Лужников“ во время совместного концерта. Буйнов рассказал какую-то байку (он на это дело мастер), я же в ответ поведал ему о том, как ”ЗОО“ участвовал в совместном концерте с Глызиным (бывали в те времена такие чудеса), где выступал парень, загримированный под Буйнова (”Веселые Ребята“ тогда только разошлись), и я стоял в полном недоумении от увиденного глюка...

То был концерт, посвященный памяти Саши Башлачева. Нечто странное сквозило в воздухе в тот вечер. Казалось, что все насыщены энергией необъяснимой тоски и неопре-

деленности. Я не помню, чтобы кто-нибудь общался друг с другом так, как это делали мы. Все ходили как вареные. Не могу сказать, что игралось на том концерте. Меня так вообще весь день преследовала мысль: "Кто следующий, кто?" Я вглядывался в лица музыкантов, и этот вопрос то терялся в сознании, то отчетливо проступал, как тошнота с похмелья. В тот день я отчего-то так и не сказал Витьке, что запись сохранилась у меня...»

По счастливому стечению обстоятельств, именно Кирилов сохранил копию этой записи, только одна песня «В поисках сюжета для новой песни» оказалась оборвана на полуслове. Кошка Кирилова размотала и сжевала часть пленки. Вот так пропало 11 метров записанной ленты... Впоследствии запись была издана в 1992 году по инициативе Марианны Цой на грампластинках Петербургской студией грамзаписи, а позже, в 1996-м, переиздана «Мороз рекордз» на CD-диске «КИНО. Неизвестные песни».

По воспоминаниям Марьяны, в конце января Цой, основательно испортивший пальцы трухлявой лепниной дореволюционных потолков, в конце концов добил своего начальника наплевательским отношением к работе, и тот счел за благо отпустить молчаливого молодого реставратора на все четыре стороны.

Инна Николаевна Голубева:

«Он же по специальности был резчик, а его почему-то распределили на лепнину. Как-то так получалось, что я не до-трагивалась до него никогда, а тут вот случайно коснулась его пальцев и ощутила, что у него кожа нежная, как у младенца... Просто тончайшая. А он, значит, там штукатуром почти каким-то работал, и пальцы его были просто в хлам».

Виктор, уставший от восьмичасового графика работы, мечтал уйти в дворники или кочегары, чтобы иметь хоть немного свободного времени для занятий музыкой, но ничего подходящего не подворачивалось. В результате он устроился рабочим в Управление паркового хозяйства, располагающееся на улице Лизы Чайкиной, 4/12, где вырезал детскую деревянную скульптуру в парке «Тихий отдых» на Каменно-островском проспекте, 81. До сих пор в том парке можно увидеть некоторые работы Виктора, к примеру «Грустный лев».

Андрей Усов:

«Цой занимался некоторое время рубкой деревянных скульптур в каком-то садово-парковом хозяйстве, и можете себе представить, что работы Цоя стояли на детских площадках – всякие мишки и прочее».

Кстати, сегодня в котельной «Камчатка», как утверждает легенда, можно увидеть некоторые из этих самых деревян-

ных фигур, вырезанных Цоем во время работы в садово-парковом тресте. Но можно с уверенностью сказать, что фигуры, представленные в «Камчатке», – вовсе не работы Цоя. И доказать это легко. К примеру, многие видели там фигурку «Большого Уха» из одноименного мультика Юрия Бутырина, якобы вырезанную Цоем. Однако несоответствие сразу бросается в глаза – Цой вырезал фигуры для украшения парка в период с 1983 по 1984 год, а рисованный мультипликационный фильм «Большой Ух» был выпущен творческим объединением «Экран» в 1989 году.

Сергей Фирсов, кочегар котельной «Камчатка», приятель Виктора Цоя:

«Нашу статую в ”Камчатку“ притащил Вилли с ближайшей детской площадки, к сожалению, а так порой хочется ее за цоевскую выдать, проклятая интеллигентность не дает! Цой в свое время дарил мне свои нэцке и пепельницы, но время слизало все...»

Сергей Жариков, музыкант:

«С Цоем меня познакомил Фирсов. Их дуэт с Рыбой появлялся у Трубецковых на 15-й Парковой, но я там с Витьком не пересекался. Они там в паре пели свои песенки, и Рыба был панком».

В середине февраля 1983 года Рок-клуб запланировал

очередную акцию – концерт групп-побратимов по записи альбома «45» – «Аквариума» и «КИНО». Перед Цоем и Рыбиным остро встает проблема расширения состава группы, ведь они по-прежнему оставались дуэтом. А музыка Цоя, по словам Рыбина, уже тогда «могла звучать только в электричестве, с полным составом».

Алексей Рыбин:

«Перед тем как уйти в армию, Олег – наш Гиперболоид – работал в одной командочке параллельно с нами, играл с ней на разных свадьбах, вечеринках – подхалтуривал, одним словом. Командочка, впрочем, была некоммерческой направленности: вокалист обожал Джона Леннона, гитарист торчал от Creedence – со вкусом у ребят было все в порядке. Я тогда познакомился с этой группой и теперь решил попытать счастья и созвонился с басистом, Максом. Выслушав мои предложения и условия, Макс согласился поиграть с «КИНО» в качестве сессионного музыканта. Я начал ездить к нему (он тоже жил в Купчине, недалеко от меня) и репетировать с ним Витькин материал. Однажды я ехал к Витьке на Гражданку – вышел из метро «Площадь Ленина» и ждал троллейбус, на котором нужно было проехать еще с полчаса, чтобы добраться до Витькиного нового дома. «Привет», – услышал я знакомый голос, повернул голову и увидел Макса с бас-гитарой в чехле, а рядом с ним – Юрку. Юрка тоже был с гитарой в руках – они, как выяснилось, ехали домой с ка-

кой-то очередной то ли халтуры, то ли репетиции, то ли еще чего-то. ”Вы сейчас свободны?” – спросил я Макса и Юрку. ”Свободны“. – ”Поехали к Витьке. Я как раз сейчас к нему на репетицию. Макс, ты уже можешь показать, что ты там напридумывал, может быть, Юра, и ты что-нибудь поиграешь – хотите? Можно попробовать“. – ”С удовольствием“, – ответили продрогшие уже музыканты. Когда мы приехали к Витьке и я представил ему кандидатов в концертный состав ”КИНО“, Витька увел меня на кухню и неожиданно устроил мне небольшой нагоняй – впервые за все время нашей дружбы и совместной работы. Он был страшно недоволен тем, что я привел к нему в дом незнакомого ему человека – Каспаряна».

Цой поначалу совершенно не воспринял Каспаряна как кандидата на роль гитариста в группе «КИНО». Но, присмотревшись, он дал добро на продолжение репетиций Рыбина с Каспаряном.

Запланированный Рок-клубом концерт состоялся 19 февраля 1983 года. Новые песни «киношников» были отрепетированы в «электричестве», и на этот раз «КИНО» обошлось без помощи коллег из «Аквариума». Хотя, по мнению некоторых, спешка и несыгранность сильно подвели ребят.

Алексей Рыбин:

«Тот зимний Рок-клубовский концерт ”КИНО“ – ”Аквариум“ оставил у меня самые приятные воспоминания, и у

большей части моих друзей тоже. Единственным темным пятном была едкая рецензия в рукописном журнале ”Рокси“ – там говорилось, что то не так, это не так, у Рыбы, мол, ширинка на сцене расстегнулась и вообще концерт был поганый. Почему поганый, я из статьи так и не понял».

Марьяна Цой, жена Виктора Цоя, в своей повести «Точка отсчета» констатировала:

«Это был второй электрический концерт группы в ее жизни. Первый состоялся почти год назад и, как положено первому блину, вышел комом. Второй блин тоже вышел комом... Рядом стоял его приятель, который почему-то решил, что он – бас-гитарист. С таким же успехом это могла сделать я или первый попавшийся водопроводчик. Я уже не помню, кто там был на барабанах, помню только, что весь состав на сцене Цою не помогал, а ужасно мешал и, несмотря на все Витины старания, ничего хорошего не получилось».

Алексей Рыбин:

«Мы играли первым номером – расширенный состав ”КИНО“: мы с Витькой, Каспарян, Макс и приглашенный в качестве сессионщика джазовый барабанщик Боря, мой старый знакомый. Марьяша в этот раз постаралась от души, и наш грим, я уж не говорю о костюмах, был просто шокирующим. Ансамбль звучал достаточно сыгранно, Витька играл на двенадцатиструнке, мы с Каспаряном дублировали соло, и зву-

чало все, кажется, довольно мощно. В отличие от традиционных красивых поз ленинградских старых рокеров, мы ввели в концерт уже откровенно срежиссированное шоу – я иногда оставлял гитару и переключался на пластические ужасы – например в фантастической песне ”Ночной грабитель холодильников“ я изображал этого самого грабителя:

Он ночью выходит из дома,
Забирается в чужие квартиры,
Ищет, где стоит холодильник.
И ест...»

Юрий Каспарян, музыкант «КИНО»:

«У нас был общий барабанщик – у группы ”Гарин и Гиперболоиды“, где играли Виктор, Алексей Рыбин и Олег Валинский, и у нашего студенческого коллектива, где играли я, Михаил Борзыкин, два моих друга и опять же Олег Валинский, с которым мы до сих пор иногда видимся. Валинский был тем самым барабанщиком. Познакомили нас общие друзья. Когда Виктор с Рыбиным решили собрать серьезную группу, они пригласили играть на басу моего знакомого, Максима Колосова, через которого я, собственно, и попал в ”КИНО“ – он как-то ехал в гости к Виктору и позвал меня: поехали вместе! Так все и получилось».

Николай Мейнерт, журналист:

«Я был на зимнем концерте ”КИНО” в Рок-клубе в 1983 году. С моей точки зрения, это был абсолютно провальный концерт, и Цой очень переживал по этому поводу. Я помню, каким несчастным он выходил за дверь. Потому что у них вся эта программа разваливалась, она какая-то не цельная у них, эклектичная, не хватало ни представления, ни опоры, ничего из того, что могло бы произвести на зрителя впечатление, не было. После этого выступал ”Аквариум“, который конечно же подавил их полностью.

Мнения после этого концерта были действительно разные, это уже сейчас вот репутация ”КИНО“ наложилась на впечатления постфактум. Потому что если посмотреть на это сейчас, то можно сказать – ерунда. Потому что ”КИНО“ стало – ого-го... А тогда все было гораздо серьезнее. Поэтому это была действительно неудача, и я думаю, что эта неудача была внутренне логично объяснимой. У Цоя к тому времени был конфликт с Рыбиным и другие неурядицы...

Сам концерт, конечно, запомнился, я впервые тогда увидел ”КИНО“, приехал из Таллинна, меня пригласил на этот концерт Рихо Бауман, я помню, что концерт перенесли, мне позвонил Ордановский, предупредил об этом... Конечно, приехали мы все на ”Аквариум“, я помню, как ”КИНО“ начало этот концерт, но запомнилась мне только одна песня – ”Ночной грабитель холодильников“. Все остальное было вяло и невразумительно... И самое главное, я помню выходящего после концерта Цоя с гитарой в руках, мы к нему

подошли, спрашиваем – ну как? А он так в сторону рукой – ”ааа...”. То есть было очевидно, что он концертом недоволен. По крайней мере, такое впечатление создалось при взгляде со стороны. Поэтому лично я думаю, что считать этот концерт удачным, даже по меркам тех дней, можно только с очень большой натяжкой».

В процессе подготовки к концерту Цой присмотрелся к Юрию Каспаряну. Отношения же с Алексеем Рыбиным стали заходить в тупик: непонимание нарастало и появлялось все больше взаимных претензий. В итоге Алексей покинул группу, а Цой продолжил репетиции с Каспаряном. В интервью самиздатовскому журналу «Рокси» Алексей Рыбин объяснил свой уход так: «Цой как-то сказал мне: знаешь, в одной группе не должно быть двух лидеров».

Почему именно Алексей покинул группу, ни Цой, ни Рыбин толком никогда не говорили, а если и говорили, то вскользь, почти не касаясь истинных мотивов.

Вот как рассказывает сам **Алексей Рыбин** о разрыве с Цоем в своей книге «”Кино“ с самого начала»:

«Однажды Витька позвонил мне и сказал, что он решил немедленно приступить к записи.

– А где? – поинтересовался я. Идея была неожиданной – мы не собирались ничего писать раньше чем через месяц-другой.

– Нужно все-таки опять с Тропилло договариваться, – сказал Витька. – Давай этим займемся.

– Ну хорошо, – согласился я, – с Тропилло мы договоримся. Тогда тебе срочно нужно начинать с нами репетировать – с Максом и Юркой.

– Нет, я думаю, что мы снова все сделаем с ”Аквариумом“. Это профессионалы, они сделают все как надо. Наши ребята еще не готовы. Новый альбом должен быть по музыке безупречным – они этого сделать не смогут.

– Нет, я не согласен, – сказал я. – В таком случае нужно подождать, пока Юрка с Максом все отточат. Мы должны этот альбом делать своим составом.

– Не надо меня учить, как мне делать мой альбом.

– Витя, если это твой альбом, делай его, пожалуйста, как хочешь. А если это альбом ”КИНО“, то это должно быть ”КИНО“.

– Леша, если у тебя такое настроение, то ведь я могу записать мой альбом и без твоей помощи.

– Пожалуйста, – сказал я и повесил трубку.

Больше мы с Витькой не созванивались никогда. ”Мы странно встретились и странно расстаемся...“ Дурацкий спор вдруг стал причиной совершенно дикого разрыва – группа ”КИНО“ перестала существовать. Это было как-то странно – совершенно, казалось бы, на пустом месте – ну, повздорили, ну, помирились... Но мы не вздорили и соответственно не мирились. Я чувствовал, что напряжение внутри

”КИНО“ в последние месяцы росло – и вот прорвалось...

Я заезжал иногда к Каспаряну – Витька ему тоже не звонил, мы поигрывали немного, а потом я перенес свою музыкальную деятельность в Москву – стал ездить туда каждую неделю и играть дуэтом с Сережкой Рыженко. С Юркой, естественно, я видеться тоже перестал.

Однажды, месяца два спустя, я встретил его случайно на улице и узнал, что Витька позвонил ему и предложил поиграть. Ну, в добрый час...»

Юрий Каспарян:

«Ну вот раньше была группа – Цой и Рыбин. Потом они что-то не поделили, разругались и расстались. После этого Виктор позвонил мне и говорит: ”Ну, поиграем?“»

Отвечая на вопросы журналистов «Московского комсомольца» в 2012 году, Алексей Рыбин так прокомментировал свой уход из «КИНО»:

«Я ушел из ”КИНО“, потому что игра в группе – это профессия. Одно дело – весело проводить время с друзьями, и совсем другое – выбрать музыку на всю жизнь. В мире не очень много групп, которые состоят из друзей-приятелей. Те же Rolling Stones не то что не разговаривают месяцами, они живут на разных континентах и собираются вместе лишь для работы. Несколько лет мы с Витей дружили запоем. Нам было очень сложно поодиночке. Может, мы и разошлись-то в

свое время потому, что слишком много общались, получилось такое перенасыщение друг другом. Он уходил в училище, я – на работу или в институт, маялись там полдня, но, как только за нами закрывались двери казенных учреждений, мы тут же встречались. И не расставались до поздней ночи. А часто и ночевали вместе».

Игорь Гудков:

«Они очень близко общались, одно время на протяжении двух лет вообще не расставались. Как однойцевые близнецы. Это привело к тому, что они друг от друга устали и расстались, расстались спокойно, не ссорясь, каких-то ”предъяв“ у них друг к другу не было. Просто взяли и в какой-то момент перестали вместе выступать».

Многим до сих пор непонятно, что случилось между Цо-ем и Рыбиным в далеком 1983 году. Но сегодня к Рыбину, наверное, у всего Питера странное отношение. По мнению членов группы «КИНО», он сложный человек. Даже непри-вередливые музыканты «АУ» довольно критически высказываются о нем и его делах. Цой же, по свидетельствам близких людей, впоследствии никогда его в разговорах не упоминал. Я, как автор этой книги, не могу делать каких-либо выводов об Алексее Рыбине, но могу сказать, что со мной лично Алексей Викторович всегда был предельно вежлив и мил.

Вот что рассказывал о нем **Виктор** в одном из своих интервью:

«С Алексеем в последний период нашего сотрудничества отношения все больше осложнялись, и это мешало работе... Алексей – человек с обостренным чувством лидерства. Он постоянно говорил, что лучше меня поет, лучше аранжирует, лучше играет на гитаре... Мне не очень нравилось, что Леша на концертах, которые он сам для себя организовывает, исполняет мои вещи, не ставя меня в известность... Кстати, зря Рыба все это дело выносит на страницы "Рокси", да и не прав он во многом, и не нравится мне, как он говорит о моей жене – в общем, не по-мужски все это...»

Сергей Жегло, один из московских знакомых Виктора Цоя:

«Рыбин напрасно на него обижался. Я думаю, Цой не мог поступить иначе».

Рашид Нугманов:

«Мне было интересно раннее творчество Виктора, но он всегда уклонялся от вопросов о Рыбине. Это их личное дело. Как-то на Беговой Аркаша Высоцкий, с которым я познакомил Виктора, раздобыл редкую фотографию Цоя и Рыбина на концерте и вручил ее Виктору. Тот взял нож, истыкал им всю фотографию и бросил подарок на диван. Я спросил его: "Что так?" Виктор только поморщился. Я, разумеется, не на-

стаивал и больше никогда не спрашивал».

А вот версия звукорежиссера **Алексея Вишни**, изложенная им у себя в ЖЖ:

«В распаде ”КИНО“ виноваты амбиции Алексея – он был постарше Виктора года на четыре, пообразованней, вестимо, тоже песни писал, ну и, конечно, имел лидерский потенциал. Тогда в группе ”КИНО“ функционировали два персонажа (Рыба и Цой), но ездили на гастроли они втроем. Марьяна была третьей. Гонорары делили соответственно: Цою 33 %, Марьяше 33 % и Рыбе 34 %. Рыба считал, что ему 34 % против цоевских 66 % запахло. Рыбин возмутился – как так! А Цой говорил, что они трое, значит, и гонорар надо делить на троих. В противном случае Рыба получал бы 50 %, а Цой 25 %, в связи с чем Алексей и был изгнан. Деление было законным, но несправедливым. Рыбин поднял об этом вопрос и был вышвырнут Цоем под действием Марьяны, поскольку Рыба к тому моменту познакомил его на свою голову с Каспаряном.

Кстати сказать, “Аквариум” классического состава распался РОВНО из-за подобного. Рыбин жаждал получать с концерта столько же, сколько Цой, и никаких дополнительных (придуманных) причин в том не было. Каспарян был согласен получать вдвое меньше, а Рыбин нет. А вы как дети – творчество, понимаешь...»

Алексей Рыбин:

«Когда нас с Цоем, или БГ, или других музыкантов приглашали играть куда-нибудь на ”квартирники“, то всегда был договор с организаторами на конкретную сумму, которая могла колебаться от двадцати пяти до ста рублей. Это только Майк ввел собственную таксу: минута концерта – рубль... У нас не было супергонораров».

Георгий Гурьянов:

«Как Цой относился к Рыбину? Наверное, иронично. Он не реагировал на упоминания его имени, считал его сумасшедшим, феерическим кретином... Думаю, он его терпеть не мог. Рашид Нугманов рассказывал как-то, как Цой при нем истыкал фото Рыбина ножом. Вот и все отношение. Я вообще отказывался играть с ними, пока Виктор не прогнал эту ”рыбу“ из группы».

Евгений Титов:

«Рыба познакомил Каспаряна с Цоем. Свинья, кстати, к Рыбе довольно прохладно относился.

Бывают люди комфортные, с которыми легко все получается, бывают – нет. Я не так близко его знаю, хотя в 80-х и дома у него бывал не раз, общались. Рыба такой, какой есть: имеет недостатки, имеет достоинства. Как и все мы, не идеален. Как и Цой, который тоже имел недостатки и слабости, да? Живые люди, тем более тогда все были молодые – мак-

сималисты, и не всегда могли правильно оценивать и себя, и других.

Насчет дележа денег Цоя и Рыбы ничего не могу сказать, не знаю. Панкер или Пиночет могут про то время что-то вспомнить, но надо иметь в виду, что тот же Панкер может быть не вполне объективен, так как у него есть в этой истории свой собственный имидж, который он сам же во многом и формирует. В так называемой ”официальной истории от Бурлаки и тов.“ его роль при создании Свиньей группы ”АУ“, мне (!) кажется, сильно преувеличена. Но надо знать историю с разных сторон, от разных, независимых друг от друга людей, не заинтересованных при этом в каких-то личных делах».

Дмитрий Левковский, администратор группы «Игры»: «С ”КИНО“ в лице Рыбы, который тогда еще был как бы один из двух лидеров, я познакомился... в общем, как раз в то время, которое Леша описал в своей книжке «”Кино” с самого начала». Я устроился на работу в Оперную студию консерватории, а там как раз Рыба работал. Это, наверное, был 1982/83 год, надо уточнить. Это время, когда Марьяна активно окучивала Цоя и выдавливала Рыбу как воплощение некоммерческого развития. Потом стали ездить с Рыбой на квартирники цоевские куда-то в новые районы, на Комендантский, в полужаселенный дом. Комендантский тогда только осваивали, он вообще как Марс выглядел – ни транспорта,

ни магазинов. Вот там и жил Шебашов, официальный фан "КИНО". Там я с Цоем и познакомился. Точно, это 1983 год был. В том доме лишь две-три квартиры были заселены, соседей не было, и мы орали спокойно на весь дом...

Ну, то, что Рыба ушел из "КИНО", не совсем верно. Хотя Марьяна его и выдавливала активно, тем не менее тогда еще было непонятно, как все пойдет. Это выглядело как конфликт, а не разрыв отношений. Что касается того, что Рыба чего-то там делить не хотел, то тут просто. Есть-то он тоже хотел, как и все остальные... Просто делить особо нечего было. Это же был «совок», не надо забывать. Все было на жопяном пару – от техники до методов продвижения. Копи-машины были все под идентификационными номерами... И так далее. Поэтому любой реальный технический прикамбас использовался на полную. Оттуда студия Тропилло, к примеру».

Марьяна Цой в интервью **Александру Житинскому** говорила:

«Так получилось, что Цой довольно долго мыкался с составом... Сначала с этим Рыбой. Но Рыба – очень специфичный человек. Меня всегда потрясало, что Рыба на Цоя так орет: "Ну, ты там!" И когда Рыба дал интервью Старцеву, что это я его выгнала из группы, это подсознательно было правдой. Потому что я не понимала, кто главный в этой ситуации... В конце концов Рыба добился, что Цой его выгнал.

А Витька если уж с кем расставался, то он отрезал сразу. У него не было так, чтобы пойти, выпить, выяснить отношения. Это ему не присуще вовсе. И Рыбы не стало в нашей жизни. Чик – и нету. Хотя я довольно долго булькала, что вот какой мерзавец».

Алексей Вишня:

«Концерты ”КИНО“ организовывали трое – Марьяна, Виктор и Рыба. И сто рублей гонорара делили поровну. Но однажды Леша возмутился и предложил ”пилить“ деньги иначе: половина ему – половина Марьяне с Цоем. Та резко ответила: ”Получается, Витя меньше тебя будет зарабатывать?“ Разругались в пух и прах, и Леху из ”КИНО“ прогнали. Цинизм проявился еще и в том, что он сам себе подложил свинью – место Рыбы занял гитарист Юрий Каспарян, которого Леша привел в группу. Каспарян оказался куда удобнее: молчаливый, неконфликтный, смотрел Цою в рот и беспрекословно его слушался.

После разрыва с ”КИНО“ Леша запил. Я зализывал его раны – убеждал, что мы сможем собрать собственную команду и играть под его началом. Вылилось это в то, что я делал ”трень-брень“, а Рыба исполнял собственные песни. Через несколько лет он все же собрал группу ”Оазис Ю“, но в итоге разочаровался в музыке, направив силы на писательскую и продюсерскую деятельность. В чем преуспел: опубликовал сотни статей, десяток книг, в том числе ”«Кино» с самого

начала”, ”Майк: время рок-н-ролла“, ”Право на рок“...»

Я попросил **Алексея Рыбина** прокомментировать все вышеизложенное и получил такое объяснение:

«У меня в ”«Кино» с самого начала“ все написано. Мелкие обиды и мелкие ссоры были. Но глобально – нет. Люди типа Житинского любят грязь и сплетни. Житинский – при всем уважении – большой фантазер и часто выдает желаемое за действительное. Чем грязнее, тем интереснее. Но история искажается. Вот то, что говорит Вишня, правда. Финансовые споры у нас были. Но это не ключевой вопрос, это рабочий момент. Мне, в общем, все равно, что там кто будет думать. Я рок-музыкой как артист не занимаюсь уже лет 15 и не собираюсь. Мне это неинтересно. Но года за три до смерти Марьяны мы сидели у нее на кухне, выпивали (при этом я уже выпустил две пластинки каверов ”КИНО“ – с разрешения Марьяны) – она же была одним из инициаторов ”реформы“ ”КИНО“ в 1998-м, когда мы давали концерты песен Цоя... И Марьяна грустно сказала: ”Ну что, Лешка, ведь никто кроме нас не знает, как все было на самом деле...“ Вот так вот. Что же касается нелюбви ко мне Гурьянова, я его тоже не люблю...»

Из слов Алексея картина разрыва становится ясна. Все остальное – уже личные конфликты, мало имеющие отношения к теме.

От «Пряжки» до «Сорока шести»

Весной 1983 года Цой совместно с Каспаряном дает квартирный концерт, устроенный по наводке Владимира Быстрова, на Большом проспекте Васильевского острова.

Виктор Спаров, устроитель квартирных концертов:

«Васильевский остров, Большой проспект, дом 27. Мансардное помещение над крышей. Единственный квартирник с Цоем, где я был, поэтому помню хорошо... Если смотреть на фото, то рядом с Цоем, по идее, должен быть Каспарян... Можно сказать, что это у нас...

Мы с университетским другом снимали по соседству комнату, а остальные мансардные помещения пустовали. Боб (Владимир Быстров) возьми и предложи: а давай квартирник с Цоем проведем! С вашей стороны – помещение и портвейн, а с моей – организационная часть. Сказано – сделано. Сделано, разумеется, с помощью Сорокина. Портвейна было выпито немерено! Было человек сорок, кто сидел у стен, кто лежал на полу. Через них перешагивали, когда выходили в туалет. Курили прямо на месте. Да, это 1983 год, а время года... А, черт! Память... По-моему, весна, где-то в районе апреля, поскольку все были в куртках, но легких... Запись велась на два магнитофона, но про судьбу записей ничего не знаю... Играли на пару – Цой с Каспаряном...

В принципе, мы рассчитывали на этих же пространствах провести квартирники и с БГ, и даже с Кинчевым, но у друга изменилась финансовая ситуация, он перестал вносить свою долю, и вскоре нам пришлось съехать оттуда. До сих пор жалею о такой упущенной возможности. По тем временам получилась бы классная рок-точка!»

В мае 1983 года в Ленинграде состоялся первый в городе, да и во всей стране, рок-фестиваль. Конечно же, далеко не все прошло так, как того хотелось рок-музыкантам, но сам факт проведения подобного мероприятия был отрадным, почти революционным.

«КИНО» из-за отсутствия полноценного состава в фестивале не участвовало, и Цоя очень раздражали вопросы на эту тему. По свидетельству Марьяны, его по двадцать раз на дню спрашивали, почему он не выступает. «Состава нет», – отвечал Виктор. «А в акустике?» – «Не хочу...»

Виктор Цой:

«Я думал даже выступить один, под акустическую гитару на фестивале, начал даже готовить программу, но так и не выступил. Как-то смутило, что больше никто не рвался выступать сольно...»

Отсутствие состава хоть и удручало Виктора, но отнюдь не тормозило работу. Он по-прежнему пишет новые песни

и выступает на квартирниках, совмещая музыку с работой в садово-парковом тресте. Марьяна в одном из своих интервью вспоминала, как ездила с Охты, где они тогда жили, на работу к Цою в парк с бидончиком пива и жареным кабачком...

Каспарян, который поначалу смешил рок-тусовку, начал вписываться в стиль «КИНО», что очень радовало Цоя.

Александр Титов, музыкант группы «Аквариум»:

«Что касается Каспаряна, то перед тем как он появился в "КИНО", у него наверняка был период информационного голода, когда он тянулся к чему-то, но не имел источников. Это сказывалось на его игре, она была однообразной. Но он очень быстро вырос, потому что стал получать больше информации и потому, что он очень умный парень и у него хорошее ухо. Он талантливый в музыкальном смысле человек. Он же самоучка, а когда самоучка достигает каких-то результатов, это говорит о его таланте, о том, что ему дано свыше».

Из воспоминаний **Марьяны Цой**:

«Как ни странно, Каспаряна привел все-таки Рыба. Каспарян – это был такой самородок, ну прямо из лесу вышел... Цой его играть учил. Я его каким-то другим вещам учила, типа: не вытирать руки о штаны».

Инна Николаевна Голубева:

«И появился Каспарян, который стоял и вот так вот, открывши рот, смотрел на Витю. Как робот буквально. Будто его заколдовали. Ловил каждый звук Витинового голоса... Пришла как-то раз мадам Гребенщикова и сказала: "Выгони ты этого дурака. Он тебе всю обедню портит. Что ты взял какого-то младенца?" Ругалась с Витькой. А Витя говорит: "Ничего, молодой, научится". Вот так... Он уже папой таким себя представлял...»

Из интервью Виктора Цоя:

«Каким же будет новое "КИНО"? Я, Виктор Цой, гитара, скорей всего акустическая, и вокал. Юрий Каспарян, электрическая гитара. Владимир Арбузов, из "Мануфактуры", мы с ним, кстати, давно договаривались играть, да все не получалось, – бас-гитара. И за неимением барабанщика возьмем известного многостаночника – Александра Кондрашкина».

Как видим, планы Виктора вращались вокруг нового состава, и даже примерный состав группы был подобран, но в итоге получилось все совсем иначе... Пока Каспарян разучивал гитарные партии, Цой вкупе с Майком Науменко частенько давал «квартирники» в Озерках, у Павла Краева.

Павел Краев, устроитель квартирных концертов:

«Это была с моей стороны прежде всего помощь музыкантам. Майк, кстати говоря, никогда не заказывал квартирников. А Цой и Башлачев – они просили. Они меня просили просто: ”Сделай квартирник, надо денег”. У меня не получалось им заплатить столько, сколько им хотелось... 30 рублей обычно. Это моя гарантия была – 30 рублей. Конечно, не получалось. Но они очень хорошо скидывали. Я просил: ”Ребята, у меня нет столько. Давайте на 50, например? Вам пополам по 25”. А помогавший им иногда Наиль Кадыров, кроме портвейна, не получал ничего. Он потом приходил ко мне и сдавал пустые бутылки... Одним из самых ярких впечатлений от одного такого концерта, где Майк играл с Цоем и с Наилем, был момент, когда Серж внес авоську с водкой во время выступления. С авоськой, из которой торчали горлышки водочных бутылок. Это было, конечно, прекрасно. Все зааплодировали: полная авоська с водкой. Конечно, все радостно восторгнулись и похлопали в ладоши. И тут Майк сказал: ”Цой, это не нам аплодисменты. А водке”».

Николай Иванов, знакомый Виктора Цоя:

«В 1982–1984 годах Цой часто играл ”квартирники“. 33 года назад я сделал запись выступления Цоя на квартире у Паши Краева. Позже она была издана, выпущена на CD «Виктор Цой – Акустика» (песни под гитару), но не с моей катушки, а в моноварианте. К сожалению, у меня сохранилась только копия, но магнитофоны у меня в то время были

исправные, и качество на слух не пострадало. Копия урезана, из концерта оставлены только 9 песен. Кроме того, имеются две катушки – два известных альбома ”КИНО“ (”Это не любовь“ и ”Ночь“), записанные для меня Цоем за мелкую услугу – ремонт и настройка двух магнитофонов «Нота-203». Эти «Ноты» Цой в сопровождении Краева принес мне на квартиру, в которой я тогда жил, на проспекте Металлистов. Как они записывались, мне неизвестно, но качество записи отличное...»

Летом 1983 года про Цоя вспомнили Вооруженные силы. Виктор решил «закосить». Получение психиатрического диагноза было единственным гарантированным «откосом» от службы в армии. Поэтому в середине августа 1983 года Цой с помощью Марьяны расцарапал себе вены и вызвал «Скорую», после чего оказался в психиатрической больнице № 2, расположенной на набережной реки Пряжка.

Рашид Нугманов:

«Афганская война была одной из дополнительных причин, по которым Виктор ”косил“ от армии в психушке. В те времена держалось устойчивое мнение, что у призывников с восточной внешностью более высокие шансы попасть в Афганистан».

Инна Николаевна Голубева:

«Да, Вите пришла повестка, и начиналась новая эпопея. Повестка пришла домой к родителям, значит, служить в доблестной армии. И начались звонки родителей. Роберт Максимович звонил и говорил Вите: ”Ты честь семьи позоришь“. Вот это мне всегда было очень интересно – про семью и про честь их, родительскую... ”Что ты не идешь в армию? Ты должен идти, должен служить”. Витя, конечно, и слушать не слушал их, все эти их бредни. Его родители были очень возмущены: ”Ты позоришь нас, как так можно!” Им это казалось ненормальным, хотя Роберт Максимович тоже ни в какой армии не служил, потому что закончил Военмех».

Цюю, ориентировавшемуся на рассказы друзей (уже «откосивших» таким способом), две недели в «психушке» представлялись веселым приключением, но ему не повезло. По прихоти врача, пытавшегося вывести его на чистую воду, Виктору пришлось провести в дурдоме долгих полтора месяца, после чего он был выписан «законным советским психом». По словам Марьяны, он покинул лечебное учреждение «почти прозрачным».

Марьяна Цой:

«На Цоя было страшно смотреть. Когда его выписывали, я еле дотащила Витю до машины и повезла домой – на очередную квартиру, которую мы тогда снимали. И вот просыпаюсь часа в два ночи, Цоя нет рядом. Выхожу на кухню:

в темноте кромешной он что-то карябает карандашиком на разорванном спичечном коробке. Это был текст "Транквилизатора"...»

Юрий Каспарян:

«Это было непросто, Марьяна его навещала, я ждал, когда же он выйдет... Марьяша смешно рассказывала, как Цоя на Пряжку укладывали. Там нужно было под МДП закосить, маниакально-депрессивный психоз. Порезать вены и так далее. С этим брали. И у них там как-то было налажено со знакомыми, что его возьмут, но вены все равно нужно было резать. А Цой терпеть не мог крови. Палец колоть – это уже была проблема, тем более что человек на гитаре играл. А тут вены резать себе!.. В общем, вызвали они скорую, приехали врачи, а Цой сидит такой розовый, на руках царапины какие-то маленькие. Но забрали все равно! Из больницы он принес две песни: "Транквилизатор" и "Я иду по улице в зеленом пиджаке..." По поводу последней сказал: ты рок-н-роллы любишь – вот тебе, пожалуйста... Ну, чтобы мне было понятно, что играть, потому что я, кроме рок-н-роллов, ничего не играл тогда практически. Все время мучился: что за "новая волна" такая, что там надо играть на гитаре? Там ведь гитара не основной уже инструмент. А мы были гитарной группой все-таки. И все это нужно было аранжировочно соотнести как-то – по функциям, по всему. Непростая задача: чтобы нововолновая эстетика присутствовала и в то же

время чтобы все это оставалось простой гитарной музыкой. Я очень долго был в поиске, что видно по альбомам того периода: ”Начальник Камчатки“, ”Ночь”».

Я выхожу из парадной, раскрываю свой зонт.

Я выхожу под поток атмосферных осадков.

Я понимаю, что это капризы природы.

Мне даже нравится чем-то эта погода.

У-у, транквилизатор...

Вскоре Цой, продолживший репетиции с Каспаряном, решил устроить демонстрационную запись новых песен и дать Каспаряну возможность одному поработать над материалом. Запись под рабочим названием «46» была сделана в студии Алексея Вишни, ученика Андрея Тропилло, с которым они познакомились на записи «Сорока пяти».

Алексей Вишня:

«В начале 1982 года я заканчивал свою учебу у Андрея Тропилло, в кружке акустики и звукозаписи в ДПШ № 2 Красногвардейского района. Как-то я пришел туда по делу и увидел, как Тропилло записывает какую-то группу ”КИНО“. Я спросил у Гребенщикова: ”Что это такое?“ Он ответил, что это новая супергруппа...

Спустя какое-то время Тропилло устроил концерт в общежитии Ленинградского кораблестроительного института. Концерт повязали в самом начале, и тогда все, взяв аппа-

ратуру, поехали на автобусе на Чернышевскую, к Севе Гаккелю. Мы с Цоем тащили комбик. Он спросил меня: "Ты – Вишня?" Так и началось наше знакомство.

Как только я познакомился с Цоем, сразу понял, что это тот самый герой, который должен быть запечатлен на пленку и сохранен в веках. В этот момент всем подпольным продюсерам стало ясно, что этот человек достигнет самых больших высот в своей карьере. Так и случилось, и если окинуть взглядом прошлое, то никто из нашего Рок-клуба не завоевал такого количества аудитории. "Аквариум" взял годами, а Виктор сразу всех за короткое время.

У меня было одно условие – пишемся бесплатно. Я тогда был филиалом студии "Антроп", хотел прославиться и понимал, что это обязательно произойдет. В то время, если ты приносил кассету с записью "КИНО" в школу, – ты становился звездой».

К тому времени, при участии Тропилло, Вишня собрал у себя дома небольшую студию, которую назвал «Яншива Шела». Это нелепое название по всем правилам конспирации того времени скрывало имя самого звукорежиссера.

Вот что рассказал сам **Алексей Вишня** о той записи в своих воспоминаниях:

«С Рыбой мы перестали общаться. Он часто ездил в Москву и играл с Сергеем Рыженко, а я позвонил Цою.

Несколько раз разговаривал с его мамой, но Виктора не было. “Он в больнице“, – отвечала мама. ”Ой, а что с ним?“ – пытался я разузнать хоть что-нибудь. ”Диабет“, – отвечала мама... Наконец ответил Виктор: “Привет!” – ”Витя, привет, это я! Ты что ваще, как ты себя чувствуешь?“ – ”Нормально...” Я не знал, как продолжать разговор. Чувствовал – что-то изменилось, что-то произошло с Виктором: ”Вот, хотел вас в гости пригласить“. – ”На какой предмет?“ Виктор держался подчеркнуто сухо. ”Я магнитофон новый купил, давай попробуем сделать запись?“ – ”Зачем?“ – ”Как зачем, чтобы записать новый альбом“. – ”Я не совсем понимаю, зачем это нужно, Леша“. – ”Как зачем? Да приедь, посмотри, что тут у меня“. – ”А ты уже пробовал писать кого?“ – ”Да нет, вот сам пробовал, записал пару болванок...” – ”И что?“ – ”Нравятся! Приезжай, сам послушаешь“. – ”Ну хорошо. Я позволю завтра, может, решим как с Марьяшей”. В течение двух дней они приехали. Решили что-нибудь записать. Все было уже настроено и полностью готово к творческой работе, чего не могли не заметить музыканты. Не успев оглянуться, они записали уже первую болванку песни ”Троллейбус“. Юра играл соло, Витя пел, аккомпанируя на двенадцатиструнке, а я стучал по картонной коробке клизмой, насаженной на отвертку... Когда мы пили чай, любые паузы я старался заполнить новым на тот момент релизом ”ДК“. Цою очень нравился ”Новый поворот“, где вокалист безжалостно визжал: ”Вооо-оот, новый повороооо-оот. Что он нам несет – ви-

но или компот. Или наблюдает нам за шиворооооо-оооот“, – Витя радостно подпевал магнитофонной записи и танцевал руками... В очередной песне я тоже нашел себе дело: Каспарян играл восьмыми нотами, а я вертел ручку панорамы, перебрасывая восьмые поочередно, из одного канала в другой. Мы сами не заметили, как все болванки уже записались. Достаточно было еще одного приезда, и запись будет готова. Так и случилось: в следующий раз Виктор приехал один. Мы где-то что-то подчистили, я склеил номера в нужном порядке и говорю: ”А знаешь, как круто было бы альбом назвать? ‘Сорок шесть!’“ Виктор рассмеялся, выразив тем самым согласие. По крайней мере, мне это так показалось... Он попросил сделать несколько копий и увез их с собой. На следующий день был понедельник, и я отнес новый альбом на работу – дал копию парням. Потом одни друзья приехали послушать – забрали копию. Затем другие... В конечном итоге запись распространилась по всему городу... Конечно, ”46“ не был полноценным альбомом. Витя решил его записать у меня только для того, чтобы под эти записи могли тренироваться музыканты, но я об этом узнал позже, из интервью Цоя журналу ”РИО“. Потом ”КИНО“ переписали все эти песни по-новому: с Курёхиным, Бутманом, Кондрашкиным, Трощенковым, Гребенщиковым. Они, конечно, лучше звучали, все эти песни, однако чувствовалось: музыкантам пригодился наш первый совместный опыт. Они очень хвалили обстановку в моей студии – мол, пишешься у тебя как че-

ловек. Я старался создавать музыкантам хоть какой-то комфорт. По крайней мере, около моих микрофонов спокойно можно было курить, пить чай в домашних тапочках».

Цой же, по воспоминаниям близких ему людей, никогда не воспринимал «Сорок шесть» как полноценный альбом группы «КИНО», хотя и смирился с тем, что запись «пошла в народ». Но для него она так и осталась демонстрационной лентой, рабочим материалом для Каспаряна.

Марьяна Цой:

«Цой немного позлился да и плюнул, но сам никогда не называл эту работу альбомом группы».

Алексей Вишня:

«Как музыканты они были тогда на нулевом уровне. Ничего не контролировалось на записи, как получалось, так и получалось. Что меня на протяжении всей записи удивляло, так это то, что музыканты мне ни разу не сказали: "Давай, Вишня, отмотаем пленку назад, все к чертовой матери сотрем и перепишем все заново!" Хотя это вполне можно было сделать. Цой умел играть на гитаре, но притом что его называли "бряцальщиком", он умел извлекать из гитары звук. Пускай это был и бряцающий звук, но это был хороший бряцающий звук, хороший чес».

Алексей Рыбин:

«Цой первые пять лет своей творческой работы с ”КИНО“ ходил для завсегдатаев Рок-клуба в ”пэтэушниках“, дворовых гитаристах».

Андрей Тропилло:

«Поддерживали Цоя всего несколько человек, в том числе Боря Гребенщиков. Остальные ”КИНО“ долго не замечали и игнорировали. Борис везде пропихивал ”КИНО“, хотя группу не хотели брать на фестивали. Я тоже защищал Цоя на худсоветах, говорил, что его нужно записывать, это городской романс, фольклор, такая форма песенная, которая может быть спета в подворотне под гитару...»

Вадим Демидов, музыкант группы «Хроноп»:

«В 1983-м мы с “хронопами” тусовались в ”Ждановце“ на Горьковском море, обычно все лето проводили в этом лагере политехников. Правда, ”Хронопа“ тогда еще не было, и поэтому правильнее сказать – будущие “хронопы”: Саня Терешкин, Кира Кобрин, Максюта и я. И кто-то, кажется Саня, притащил кассетник, из которого доносилась очень странная песня с припевом ”Я бездельник, у-у, мама-мама...”. Мы, помню, сели на крыльце где-то на так называемой ”женской аллее“ и прослушали по кругу альбом ”45“ несколько раз. Скажу лишь, что я испытал от этих вещей такой культурный шок, какой не испытал уже никогда (ну, может, лишь с залом

Боттичелли в галерее Uffizi я мог бы те ощущения сравнить, там я вообще расплакался).

Первые песни "КИНО" были настолько про меня, про моих друзей – что казалось, с нас прямо и списано. Мы просто не верили, что так можно! Цой нарушал все табу той эпохи, он пел на подростковом языке, вставляя разные классные рок-н-рольные словечки. И музончик был такой трогательный, наивный, лузерский – кайф! Я растворялся в этих песнях. "Белая гадость лежит под окном / Я ношу шапку и шерстяные носки / Мне везде неуютно, и пиво пить влом..." – что может быть прекраснее?

Тут еще надо сказать, что мы тогда торчали от всего "нового" – музыкального нью-вейва (Police, Talking Heads и т. д.), новой волны драматургии Людмилы Петрушевской, нового французского романа (Натали Саррот и всего такого), и дебютный альбом "КИНО" стал для нас первым альбомом "новой волны" отечественного рока. Чуть позже мы с "хронопами" стали по очереди выбираться в Ленинград и ходить на концерты тамошнего Рок-клуба. Сам я тоже сгонял в 83-м в Питер, но информации о выступлениях "КИНО" не смог найти, зато сходил на концерт группы "Союз любителей музыки рок", что по тем временам тоже было недурственно...»

Андрей Машнин, музыкант группы «Машнинбэнд»:

«Я приехал в Ленинград в конце 1983-го и поступил в институт. Поселился в общежитии на Стахановцев, где и услы-

шал уже в 1984-м в первый раз группу "КИНО". Песенки эти – "Восьмиклассница", "Алюминиевые огурцы" и т. д. меня удивили и очень мне понравились. Я тогда из нашего больше всего любил группу "Динамик" (концерт в Кировске), а про Ленинградский Рок-клуб даже не знал. В общежитии нас жило шесть человек в комнате, все после армии. Один товарищ, Костя-морпех, играл на гитаре и пел песни "Воскресенья": "О чем поет ночная птица", "Я сам из тех", "Музыкант" и др. И это мне тоже нравилось. Сейчас, наверное, это смешно. Но другой музыки никто не знал, мы все были приезжие, из русского рока знали только "Машину времени". Макаревича мы тоже, кстати, пели с Костей. И вот я услышал Цоя на пленке, в десятой хрипучей перезаписи. Причем владельцы пленки сказали, что это "какие-то школьники". Видимо, решили, что раз про восьмиклассницу, так и поют восьмиклассники.

В декабре Виктора вместе с Майком Науменко приглашают в Свердловск, где они выступают на нескольких полуподпольных концертах. Воспоминания свидетелей тех событий собраны в замечательной книге Елены Пудовой «Осторожно, гололед!». В общем, 1983 год был довольно напряженным, и, как говорила Марьяна, «мы вздохнули с облегчением, когда он кончился».

«Начальник Камчатки»

В январе 1984 года Цой получает приглашение своего московского приятеля Александра Липницкого выступить с концертом в 30-й спецшколе. Это именно та самая школа, в которой Липницкий учился на пару с Мамоновым и из которой их исключили за то, что они «позорили доброе имя советских школьников». Именно этот самый концерт был, по сути, премьерным для «Звуков Му», еще с Африкой на басу. Помимо этого выступали Василий Шумов, «Браво» с Жанной Агузаровой, Сергей Рыженко, Василий Тегин и прочие. Цой был заявлен от питерских музыкантов, поскольку «Аквариум» всем составом был в числе зрителей и выступать не намеревался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.